

КАМИЛЛА РЭЙ

Попаданка
в должницу
ДРАКОНА

18+

Камилла Рэй

Попаданка в должницу дракона

«Автор»

2026

Рэй К.

Попаданка в должницу дракона / К. Рэй — «Автор», 2026

Обычная жизнь Николь закончилась в один миг. Теперь она — живой долг своего рода, выданный могущественному и жестокому дракону Эмилю. Её ждет участь игрушки в его глазах, предмета для унижения и мести. Но Эмиль не ожидал, что под маской покорной жертвы скрывается душа из другого мира — своевольная, острая на язык и не признающая правил его игры. Их встреча — искра, способная разжечь как всепоглощающую страсть, так и войну. Сможет ли Николь выжить в мире, где она всего лишь собственность, и разбудить в мстительном драконе нечто большее, чем ярость? От автора: Однотомник. Можно читать отдельно от всего цикла. 18+. Содержит сцены психологического напряжения.

© Рэй К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	35
Г	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Камилла Рэй

Попаданка в должника дракона

Глава 1

— Раздевайся, — услышала я, стоя посреди огромного зала, где везде были диковинные знамена, трофеи и отсветы каких-то волшебных факелов, пляшущие на позолоте.

Голос был низким, безразличным, будто констатация факта. Он принадлежал тому самому яркому брюнету, что восседал во главе огромного стола, отдаленно напоминавшего дубовую плаху. Он был одет в черную рубашку, расстегнутую на несколько пуговиц. В его длинных, изящных пальцах лениво покоился массивный кубок, из которого он пил. Его волосы были полностью черные, длинные и распущенные. За столом, погруженные в хмельной угар, сидели другие мужчины. Их лица были выточены резцами жестокости и голода — не к еде, а к чему-то иному. Хищные, красивые. Все до одного.

Меня только что втолкнули в эти апартаменты, больше похожие на дворец тирана, и вот уже прозвучало первое приказание.

— Раззздеваться? — выпучив глаза, переспросила я. Горло сжалось, сердце колотилось где-то в районе ушей, заглушая гул голосов. Весь мой мозг, привыкший к обычной городской жизни в небольшом городке, с треском перезагружался, пытаясь обработать этот сюрреализм.

«Окей, Николь, — пронеслось в голове панической искрой. — Либо это чертовски детализированный сон, либо тебя похитила секта богатых красавчиков, либо... Нет, даже думать боялась о „либо“.»

Я не двигалась, будто приросла ногами к холодному, каменному полу. Мои пальцы инстинктивно вцепились в тонкую ткань платья — чужого, не моего, пахнущего какими-то цветами и чужим страхом.

Сидевший во главе — Эмиль, как я успела уловить из разговоров конвоиров, — медленно перевел на меня свой взгляд. Не повернул голову, а именно перевел взгляд. Его глаза были цвета янтаря, пронзительные и нечеловеческие, с вертикальными зрачками, как у ящера. Еще один ужас в копилку от этого непонятного мира. В них не было ни любопытства, ни злобы. Лишь холодная, утомленная презрением скука.

— Ты расслышала с первого раза, — произнес он тише, но так, что каждый звук отчетливился в внезапно наступившей тишине. Даже его подвыпившие товарищи замерли, затаив дыхание, наблюдая за зрелищем. — Или у рода Вельф, кроме чести, отняли и слух?

Род Вельф. Это прозвучало как-то знакомо, но из глубин памяти, что мне не принадлежало. В горле встал ком.

«Раздеваться. Здесь. Перед всеми.»

Это было не просто унижительно. Это было дико, нереально, словно меня вбросили в самый откровенный эротический триллер без моего согласия.

— Я... — мой голос дрогнул, выдав весь ужас, но где-то там, в глубине, зашевелилось что-то острое и колючее. Обычное мое самосохранение. — Я, вообще-то, предпочитаю сначала хотя бы ужин. И знакомство. Может, визитку вашу? Или скажете, как вас зовут, кроме «ваша темность»?

В зале повисла гробовая тишина. У одного из хищников отвисла челюсть. Другой подавился вином.

А янтарные глаза Эмиля наконец-то ожили. В них мелькнула искра — не интереса, нет. Та искра, что проскакивает перед тем, как прихлопнуть надоедливую муху.

Он медленно, с преувеличенной неспешностью, поставил кубок на стол. Звук отозвался гулким эхом.

— Меня зовут Эмиль, — сказал он, и в его бархатном баритоне слышались нотки стали. — Я — твой новый владелец. А это... — он ленивым жестом обвел зал, — проверка товара. Ты — долг. Я его взыскиваю. Так что говорю в последний раз. Сними. Платье...

Глава 2

...А ведь всё началось с самого обычного дня.

Того дня, который ничем не отличался от предыдущих. Серое небо над маленьким городком, надоевший маршрут от дома до работы. Я шла, увлеченная телефоном, прижимая его плечом к уху.

— Нет, он опять не написал, — скулила в трубке подруга Катя. — Я же вроде нормально всё обыграла вчера, ты читала? Кажется, я опять всё испортила.

Я сдержала вздох. Мы обсуждали это уже третий раз за утро.

— Кать, всё нормально. Перестань нервничать. Если он захочет, он напишет.

Вокруг было тихо и скучно. Мимо пробежал знакомый рыжий кот, внимательно проводивший меня взглядом. Из окна пекарни тянуло сладким запахом. Обычная жизнь. Обычная, знакомая до боли.

Я была Николь. Просто Николь. Да, имя иностранное, но так уж захотелось маме-фанатке французского сериала. Я, ничем не приметная, работала в кофейне «Зернышко» за скромную зарплату. Все мои мечты умещались в одну-единственную цель — накопить на учебу. Я хотела стать переводчиком. Вся моя комната была завалена самоучителями и художественными книгами на английском и немецком. Языки давались легко, в них была какая-то магия, возможность стать другим человеком в другом мире. Это был мой побег от серости.

— Ладно, — вздохнула Катя. — Ты уже на работе?

— Почти, — ответила я, подходя к знакомому перекрестку. — Сейчас только...

И тут я почувствовала неладное.

Словно мир на секунду споткнулся. Звук голоса Кати в трубке исказился, превратился в протяжный, металлический скрежет. Краем глаза я увидела, как гаснет неоновая вывеска пекарни. Не гаснет — просто перестает светиться, будто её выключили рубильником.

Я остановилась, на мгновение сбита с толку.

— Кать? Ты меня слышишь?

В ответ — лишь нарастающий гул в ушах. Воздух стал густым, тяжелым, им стало трудно дышать. Я почувствовала пронзительный холод в груди, будто мне в сердце воткнули сосульку. Телефон выскользнул из онемевших пальцев и с глухим стуком упал на асфальт.

Я услышала последнее, что сказала Катя, уже будто из-за толстого стекла, испуганно и далеко:

— Ник? Николь! Что слу...

И всё.

Тишина. Абсолютная, оглушительная. Не было ни шума машин, ни голосов, ни ветра. Только этот навязчивый, звенящий гул в ушах. Я попыталась сделать шаг, но мир поплыл перед глазами, закрутился вихрем серых стен и погасших окон.

Потом — резкий, болезненный толчок. Не удар, а скорее ощущение падения с огромной высоты. И темнота.

Я очнулась от того, что кто-то рядом громко шмыгал носом. В голове гудело, будто после долгого сна, и мысли путались, накладываясь друг на друга: запах свежемолотых кофейных зерен... и аромат незнакомых цветов. Свет неоновой вывески... и отблеск свечи на каменной стене.

Меня дергали во все стороны. Чужие руки, цепкие и нетерпеливые, застегивали на мне что-то тугое и неудобное сзади, вплетали ленты в волосы, которые были почему-то до поясницы и непривычно шелковистыми.

Я проморгалась, пытаюсь очистить взгляд. Передо мной мелькали лица женщин в простых платьях. Их глаза были опущены, движения отточены, быстры и лишены всякой нежности. Они делали свою работу.

А в углу комнаты, заливаясь слезами, ходила кругами другая женщина, в более дорогом платье. Ее лицо было распухшим от плача.

— Может, все обойдется... — всхлипывала она, ломая руки. — Может, он проявит милость... Может, мы еще увидимся, Николь, моя девочка...

Николь. Это имя, прозвучавшее из её уст, отозвалось во мне двойным эхом. Здесь меня тоже звали Николь. Это был единственный якорь в этом хаосе, островок знакомого в бушующем море чужого.

Ее слова долетали до меня обрывками. Я не понимала, кто она. Но в глубине памяти, чужой и моей одновременно, шевельнулось смутное чувство — тоски и какой-то обязанности. Мать?

Голова раскалывалась. Воспоминания, как осколки стекла, впивались в сознание. Я помнила дождь и звонок от Кати. Помнила холод в груди и падение. А еще... я помнила этот дом. Чужими воспоминаниями я знала холодные коридоры, строгие портреты предков на стенах, вкус горьковатого травяного чая по утрам. И чувство стыда. Постоянное, давящее чувство стыда за что-то, что совершила не я.

Меня крутили, вертели, тыкали в меня шпильками. Я смотрела в зеркало и видела незнакомое лицо. Мои черты, но... приукрашенные, идеальные, будто кукольные. Бледная кожа, губы, подкрашенные в алый цвет, огромные синие глаза, полные не моего ужаса.

— Почти готово, леди Николь, — прошептала одна из служанок, избегая моего взгляда.

Так значит, я все еще Николь. Но я была в теле незнакомки. Я была ею.

И только тогда, когда одна из женщин со слезами на глазах надела мне на шею холодный серебряный медальон, а другая прошептала: «Береги себя, дитя... Для рода...», — до меня стало медленно и чудовищно доходить.

Меня к чему-то готовят. И это явно что-то ужасное.

Потом в комнату вошел взрослый мужчина. Его плечи были ссутулены под грузом невидимой ноши, а взгляд упорно прятался от всех: от плачущей женщины, от служанок, от меня. Он пах дымом и осенней сыростью, запахом, который почему-то показался знакомым.

Он подошел к заплаканной женщине и обнял ее, но как-то безнадежно, будто не для утешения, а чтобы самому не упасть.

— Кто знал, — его голос был глухим, прерывистым. — Кто мог знать, что он потребует долг именно сейчас... И именно с нашей ветви... Мы же всегда были на обочине, мы ничем не провинились...

Воспоминания, чужие и обрывочные, как вспышки света, ударили мне в голову. Отец. Лорд Арвин Вельф. Человек, всегда говоривший тихо и смотревший куда-то мимо.

Я хотела закричать. Открыть рот и выплеснуть весь этот ужас, все непонимание. «Я не ваша дочь! Вы все сошли с ума! Что это за дракон? Какой долг? Выпустите меня!»

Но ничего не вышло.

Мое тело не слушалось. Оно было тяжелым, одеревеневшим, словно погруженным в густой сон. Разум той Николь, прежней, настоящей, словно наложил на меня свое заклятие — послушание. Годы молчаливой покорности, воспитание, основанное на страхе и долге, сдавили горло прочнее любых рук. Я могла только смотреть широко раскрытыми глазами, чувствуя, как по щеке медленно скатывается предательская слеза — может, моя, а может, ее.

Мое сознание металось в ловушке собственного тела, как птица в стеклянной клетке. Я чувствовала каждое прикосновение чужих рук, закрепляющих последние детали наряда, слышала каждое всхлипывание женщины, матери, и каждый полный отчаяния вздох отца. Но я не могла пошевелить пальцем, чтобы оттолкнуть их. Не могла издать ни звука.

Внутри все кричало. А снаружи я была всего лишь красивой, послушной куклой, которую готовили к вручению новому хозяину. Ее разум, ее воля требовали играть по правилам, которые она знала с пеленок: не сопротивляться, не позорить род, принять свою судьбу с опущенной головой.

И самое страшное было то, что часть меня, подавленная инстинктами этого тела, уже начинала смиряться.

После того как меня все по очереди, не глядя в глаза, обняли, бормоча что-то напутственное и безнадежное, дверь приоткрылась.

В проеме возникла бледная служанка. Она не смотрела ни на кого конкретно, уставясь в пол.

— Прибыли конвоиры, — прошептала она, и в ее голосе звенел тот же страх, что сковывал и меня.

В комнате повисла мертвая тишина. Мать замерла, прижав платок к губам, ее плечи снова затряслись. Отец отвернулся к окну, его спина выражала такую беспомощность, что стало физически больно смотреть.

Потом служанки, не глядя мне в лицо, снова взяли меня за руки. Их прикосновения были уже не просто деловитыми, а торопливыми, почти паническими. Они словно боялись, что сейчас войдут те, кого ждали, и застанут их здесь.

Мои ноги понесли меня сами, как у заводной куклы, повинаясь толчкам и направлению служанок. Я не сопротивлялась. Та, прежняя Николь, не позволила бы. Сверху на меня набросили тяжелую дорожную накидку с капюшоном, скрыв платье и прическу.

Мы вышли во внутренний двор усадьбы. Здание, действительно, напоминало декорации к дорогому историческому сериалу — вычурный камень, остроконечные крыши, гербы на стенах.

Но во дворе стояло нечто, что окончательно сломало все мои попытки найти логику.

Это была карета. Но не та, сказочная, золоченая и с запряженными лошадьми. Она была сделана из темного, матового металла, с угловатыми, строгими формами. Вместо окон — бойницы, вместо ободов на колесах — странные синеватые светящиеся руны. Она выглядела одновременно древней и невероятно технологичной, словно нечто из стимпанка. От нее исходил тихий, едва слышный гул, и воздух вокруг слегка дрожал.

Рядом, неподвижно и молча, стояли конвоиры. Не рыцари в латах, а люди в практичной, темной униформе, вооруженные не мечами, а чем-то, напоминающим длинные стальные посохи с наконечниками, от которых тоже исходил тот же синеватый свет. Их лица были скрыты тенью капюшонов, и ни один из них не проявил ни малейшего интереса ко мне. Профессионально, холодно, безэмоционально.

Одна из служанок сунула мне в оцепеневшие руки несколько предметов — не сундучки, а скорее прочные кейсы из того же темного материала, что и карета. Они были удивительно легкими.

И пока меня вели к этой жутковатой машине, пока меня усаживали внутрь на жесткое сиденье, а дверь захлопывалась с тихим шипящим звуком, словно в космическом корабле, в голове крутилась лишь одна, навязчивая и спасительная мысль.

Это сон. Это самый яркий и странный сон в моей жизни. Сейчас я проснусь в своей кровати, услышу будильник и пойду на смену. Это просто сон.

Но холод металла под пальцами и леденящая тишина конвоиров говорили об обратном.

Один из конвоиров, самый крупный и молчаливый, сел напротив меня в карету. Дверь закрылась с тихим, но уверенным щелчком, и мы тронулись.

Движение было непривычно плавным и быстрым. Не было тряски, стука колес по булыжнику, а лишь низкий, почти неслышный гул и мелькание пейзажа в окнах. Эта неестественная плавность еще сильнее убеждала меня, что я сплю.

И по мере того как усадьба Вельфов оставалась все дальше и дальше позади, ледяное оцепенение, сковавшее мое тело, начало медленно отступать. Я почувствовала холод металла кейсов в своих руках и судорожно сжала их ручки, пытаюсь найти в них хоть какую-то опору. Пальцы послушались меня. Я пошевелила губами, ощущая их сухость и горький привкус страха.

— Я... — хриплый, чужой звук сорвался с губ.

И в этот момент конвоир, сидевший напротив, безразличным, выверенным движением наклонился вперед. Он не стал ничего говорить. Он просто взял у меня из рук кейсы, одним движением откинул тяжелую шторку на бойнице и выбросил их наружу, в мелькающую темноту.

Я застыла, не в силах осознать этот простой и жестокий акт.

— Зачем?.. — прошептала я, глядя на пустые руки.

— Это вам больше не понадобится, — прозвучал его ровный, лишенный всяких эмоций голос. В его тоне не было ни злобы, ни насмешки. Только констатация факта, страшного и окончательного.

Меня везут туда, где мне не понадобятся вещи. Туда, где у меня не будет прошлого. Туда, где я сама стану вещью.

Ледяной ужас, острее и реальнее всего предыдущего, пронзил меня. Сон рассеялся окончательно, уступив место холодной, обжигающей ясности.

— Что... что со мной будет? — смогла я выдохнуть тем же хриплым, надтреснутым голосом, в котором звучал уже не сон, а чистый, животный страх.

Конвоир молчал. Он смотрел куда-то мимо меня, в стену кареты, его лицо было каменной маской. Казалось, он просто проигнорирует мой вопрос.

Но потом, спустя долгую минуту, он медленно перевел на меня свой взгляд. В темноте кареты я не могла разглядеть его выражения, но почувствовала ледяное равнодушие, исходящее от него всей волной.

— Молитесь, — произнес он тихо и четко, — чтобы вы не понравились господину Эмилю.

Он сделал паузу, давая этим словам просочиться в мое сознание и обрести ужасом.

— И чтобы он отдал вас своим друзьям на забаву. Уж лучше они...

Эти слова повисли в густом, гудящем воздухе кареты. Они были хуже любой угрозы. Они были приговором, вынесенным заранее, с холодной, безличной жестокостью.

И молиться мне было некому.

Глава 3

Страх сжимал горло ледяными пальцами, затуманивал зрение. Хотелось сжаться в комок, зажмуриться и молиться, чтобы это оказалось кошмаром. Но нет. Металлический привкус ужаса на языке был слишком реален. Холодный пол под ногами — слишком тверд. Взгляды этих мужчин — слишком тяжелы.

Стоп. Стоп, Николь. Дыши.

Где я? Почему я здесь? Вопросы, от которых кружилась голова, бились о стену безысходности. Ответов не было. Было только это тело, эта чужая роскошная одежда, это имя, которое почему-то осталось моим. И дракон, требующий унижения.

Вернуться обратно... Мысль промелькнула, слабая и беспомощная. Как? Через ту же случайность, что принесла сюда? Через смерть? Нет. Сначала — выжить. Выжить здесь и сейчас.

Показывать, что я не та, за кого меня принимают — смерти подобно. Эти люди, этот Эмиль... они говорят на языке силы, долга и жестокости. Они не станут разбираться. Значит, надо играть. Играть по их правилам, пока я не пойму своих.

Я сделала глубокий, почти беззвучный вдох, пытаюсь унять дрожь в коленях. Выпрямила спину. Подняла подбородок, встречая тот самый, безразличный янтарный взгляд.

Я все еще тряслась изнутри. Каждый мускул был напряжен до боли. Но снаружи я была просто испуганной девушкой из рода Вельфов. Должницей. Такой, какой они меня ожидали видеть.

Я не знала, что будет дальше. Не знала, что он сделает. Но я перестала просто ждать удара. Я начала наблюдать. Искать слабинку, искать смысл в его словах, в его холодном презрении.

Молитва сменилась тихим, отчаянным расчетом. Выжить. Во что бы то ни стало.

— Раздевайся, — прорычал Эмиль, и его голос, низкий и насыщенный скрытой угрозой, прокатился по залу, заставляя факелы словно бы мигнуть.

Я сделала короткий, прерывистый вдох и, не выдыхая, сказала одно-единственное слово: — Нет.

Звук собственного голоса, тихого, но четкого, отозвался в оглушительной тишине, что воцарилась в зале. Сначала все присутствующие уставились на меня с немим изумлением, будто увидели, как мебель заговорила. Затем, медленно, почти синхронно, десятки пар глаз перевели взгляд на Эмиля.

Он не посмотрел на меня. Сначала. Он перевел взгляд на свой бокал, который он взял со стола. Его пальцы сжались так, что костяшки побелели, и тонкое стекло издало едва слышный жалобный хруст. Он медленно сжал губы в узкую, бледную полоску. На его виске, у края идеально гладких черных волос, резко забились и запульсировали вены.

Тишину разорвали шепотки. Сначала тихие, недоуменные, а затем все громче, наглее, перерастая в настойчивые выкрики.

— Эмиль, брось, она явно не в себе! Зачем тебе такая строптивая?..

— Отдай ее нам, мы быстро приведем ее в чувство...

— Смотри, какая нежная... Мы с ней вежливо поговорим...

Мои щеки пылали. Я пыталась пропускать мимо ушей откровенные, грязные подробности того, что они собирались со мной сделать. Сердце колотилось где-то в горле, вызывая тошноту. Я не знала, была ли та Николь, из этого мира, с мужчинами. Я в своем мире... не успела. Не сложилось. Робкие поцелуи в кинотеатре, неловкие свидания — вот и весь опыт. А то, что они описывали, было похоже на насилие из фильма ужасов.

Я стояла, сжимая кулаки в складках платья, стараясь дышать ровно и не отводить взгляда от Эмиля. Он был сейчас главной угрозой. И единственным, кто мог эту угрозу от меня отвести. Пусть и по самым ужасным причинам.

Мне показалось, что из ноздрей Эмиля вырвалась струйка дымка, когда он медленно, словно разминаясь, поднялся из-за стола.

— Ну тогда я помогу тебе, — прозвучало его низкое рычание. — Ребятам нужны зрелища перед тем, как они тебя получают.

Я замерла, парализованная шоком. Он поднялся во весь свой рост, и он оказался намного выше и массивнее, чем я предполагала. Каждый его шаг в мою сторону был плавен, смертельно опасен и полон хищной грации. Бежать? Это только разозлило и повеселило бы его еще больше. Инстинкт кричал замереть или сражаться. Я задрала голову, пытаюсь сохранить остатки гордости, но губы предательски дрожали.

Мысли металась в панике. Заколка! В волосах была массивная, острая заколка. Я резко рванула рукой к прическе...

И в тот же миг потеряла его из виду. Он исчез из поля зрения и возник сбоку, будто его и не было передо мной. Его движение было ошеломляюще быстрым.

Две сильные руки с жестокой резкостью дернули вниз ткань моего платья и белья. Холодный воздух ударил по обнаженной коже. Одновременно я выдернула заколку, и тяжелая масса волос расплелась, золотым водопадом упав на плечи и частично скрыв наготу.

В зале снова воцарилась гробовая тишина, на сей раз приправленная острым ожиданием.

Я стояла перед ними, по пояс обнаженная, с растрепанными волосами, прижимая острое жало заколки к горлу Эмиля. Дыхание перехватило от ужаса и ярости.

А он... Он не отпрянул. Не разозлился. Он лишь склонился ближе, его янтарные глаза сузились, а ноздри дрогнули, вдыхая воздух вокруг меня. На его лице читалось не гнев, а глубочайшее, животное недоумение.

— Не может быть, — прошептал он, и его голос звучал сбитым, почти растерянным. — Я пролетал рядом с тобой. Ты пахла... как все они. Прахом, страхом и ложью.

Мой мозг, залитый адреналином, с трудом обрабатывал его слова.

— Пролетал? — только и смогла я выдавить из себя хриплый шепот, чувствуя, как дрожит острие в моей руке.

Он медленно поднял на меня взгляд, и в его глазах плясали искры какого-то нового, незнакомого чувства. Не желания унижить. А жгучего, неудержимого любопытства.

Глава 4

Прежде чем я успела понять, что происходит, его пальцы стальным обручем сомкнулись на моем запястье. Боль, острая и внезапная, заставила разжать пальцы, и заколка с легким звоном упала на каменный пол.

В следующее мгновение его вторая рука вцепилась в ворот его собственной рубашки. Раздался резкий звук рвущейся ткани, треск отлетающих пуговиц. Он одним резким движением сорвал ее с себя и набросил на мои плечи, грубо закутав, словно в мешок.

Всё это заняло меньше секунды. Я стояла, оглушенная этой вспышкой грубой силы, ощущая на плечах еще теплую от его тела ткань, вдыхая странный, дымный запах, который от нее исходил.

А потом он просто толкнул меня. Несильно, но достаточно, чтобы я, споткнувшись об остатки платья, неуклюже шлепнулась на пол. Удар о холодный камень отозвался тупой болью в копчике.

Я сидела, ошеломленная, укутанная в его одежду, смотря ему вслед. Он уже повернулся и плавно, с прежней хищной грацией, шел к своему столу, абсолютно голый по пояс. Мускулы на его спине играли под кожей, и яркие шрамы рассказывали свои истории, которые я не хотела знать.

И вот тогда, сквозь первоначальный шок, сквозь остатки страха, меня накрыла волна такой дикой, всепоглощающей злости, что в ушах зашумело. Злости на него, на его грубые руки, на этот дурацкий замок, на этих похотливых уродов за столом, на всю эту сумасшедшую ситуацию, в которую я попала.

Я не помнила когда-либо себя такой взбешенной. Казалось, эта злость выжигала изнутри весь страх, всю неуверенность, оставляя только чистое, обжигающее негодование.

Я все еще сидела на полу, но уже не как жертва, а как пантера, готовящаяся к прыжку.

Остатки разума отчаянно боролись с бушующими внутри дикими эмоциями. Я сжала кулаки, впиваясь взглядом в трещины на каменном полу, пытаюсь сосредоточиться на чем-то реальном, а не на унижении и ярости. И тогда я вспомнила. Дыхание. Простое, глубинное дыхание, которому учили в бесплатном приложении для медитации. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть.

Я заставила себя дышать. Медленно, глубоко, игнорируя дрожь в теле. Воздух, пахнувший пылью, дымом и его рубашкой. Выдох — вместе с яростью. Еще вдох. Еще выдох.

И это сработало. Пульсация в висках утихла, а злость, не исчезнув, сгустилась в холодный, твердый шар в груди. Я больше не металась внутри. Я просто была. И была готова.

Утихомирив свой пыл, я подняла взгляд.

И замерла.

Все за столом, каждый из этих сытых, жестоких мужчин, смотрели на меня с нескрываемым, животным интересом. Но не с насмешкой, а с любопытством, в котором читалась жадность. А Эмиль... Эмиль стоял, замерший с бокалом в руке, и смотрел на меня, слегка выгнув удивленную бровь. В его янтарных глазах читалось нечто новое — не презрение, не скука, а ошеломленное недоумение. Как будто он увидел не жертву, а диковинного зверька, совершившего неожиданный трюк.

И тут мужчины разом заголосили, перебивая друг друга:

— Эмиль, отдай её мне! Я хорошо заплачу!

— Довольно тешить своё самолюбие, поделись игрушкой!

— Продай, я выложу за неё тройную цену!

Шум нарастал, превращаясь в гвалт. Эмиль, казалось, был искренне удивлен этой реакцией. Он переводил взгляд с одного разгоряченного лица на другое, его собственное выражение менялось от недоумения к зарождающемуся раздражению.

Но мое внимание привлек один из них. Тот, что молчал.

Он сидел чуть поодаль, его фигура была менее массивной, чем у Эмиля, но подчеркнуто атлетичной. Его волосы были коротко стрижены, цвета темного дуба, а глаза... ярко-зеленые, как малахит, пристальные и холодные. В отличие от остальных, он смотрел не на Эмиля и не на сцену вообще. Он смотрел прямо на меня. Его взгляд был лишен похоти и азарта. В нем читалась лишь напряженная, хитрая подозрительность. Он изучал меня, будто пытался разгадать головоломку, и то, что он видел, явно не сходилось с тем, что он знал.

Наши взгляды встретились на мгновение — мои, полные еще не остывшей ярости и вызова, и его — холодные, аналитические. И в этом молчаливом столкновении было куда больше опасности, чем во всех криках его собутыльников.

— Хватит! — рык Эмиля прокатился по залу, заглушая гвалт. Он с силой грохнул кубком об стол. Стекло разбилось, и напиток брызнул на скатерть.

Повелительный звук подействовал мгновенно. Все разом притихли и опустили на свои места, будто их дернули за невидимые нити. В наступившей тишине был слышен только тяжелый, яростный вздох дракона.

— Я решил эту строптивницу оставить себе, — его голос был низким и властным, не терпящим возражений. Он обвел взглядом притихших гостей, и в его янтарных глазах вспыхнуло нечто темное, собственническое. — Тем более, я чувствую, что она не знала мужчин. Она невинна.

Он сделал паузу, давая этим словам просочиться в сознание каждого, подчеркивая свою исключительную привилегию — знать это.

— А я вижу по вашим глазам, что она вам нравится не из-за злости и мести. Вы хотите ее в любовницы. Хотите брать ее и доставлять ей удовольствие. Вижу по вашим глазам, — он произнес эти слова с ледяным презрением. — Для ее рода это слишком большая честь и снисходительность. Слишком... легко.

Он медленно повернул голову в мою сторону. Его лицо исказила чистая, неприкрытая злоба. Это была та самая ярость, которую он так тщательно скрывал под маской холодности. А потом эта злоба растянулась в дикую, почти безумную улыбку, обнажив слишком острые зубы. В его взгляде читалось наслаждение от предвкушения боли.

— А она, как и весь ее проклятый род, заслужили только одного — мучиться и молить о быстрой смерти, которую я им не дам...

Эти слова, произнесенные с тихим, свирепым удовольствием, повисли в воздухе ледяным приговором. Он не просто оставлял меня себе. Он объявлял мне войну. Медленную, изощренную, где моим телом и душой он будет распоряжаться как орудием пытки.

И самое страшное было в его глазах — он ждал, что я сломаюсь. Ждал моего страха, моих слез, моих молитв.

А я, сидя на полу в его рубашке, с холодным шаром ярости в груди, лишь сжимала кулаки. Он хотел войны? Хорошо. Он ее получит.

Глава 5

Я видела, как один за другим лица за столом начинали мрачнеть. Злость, жадность и обида искажали черты тех, кто минуту назад хохотал и требовал меня в наложницы. Их взгляды, тяжелые и колючие, теперь буравили не меня, а Эмиля. Воздух сгустился, наполнившись невысказанными угрозами и ядом зависти.

А он стоял во главе стола, прекрасный и невозмутимый, как сама опасность. Отблески магического света от факелов скользили по его обнаженному торсу, выхватывая из полумрака рельеф мышц, тени впадин на животе, мерцание влажной кожи. Он был воплощением дикой, первобытной силы, и против его воли все их негодования были бессильны.

Я невольно засмотрелась. Забыла на мгновение о страхе и злости. Внутри, глубоко под грудью, что-то мелко и настойчиво засвербело. Теплая, предательская волна, не имеющая ничего общего с ненавистью. Симпатия? К нему? К этому жестокому, самовлюбленному тирану? Ни за что на свете.

Я слегка, почти незаметно мотнула головой, пытаюсь отогнать эти дурацкие мысли, стряхнуть с себя это гипнотическое влияние. Как замороженный кролик перед удавом.

Но не тут-то было.

Он-то как раз и заметил. Его взгляд, острый как бритва, поймал мое мгновенное замешательство. И уголок его рта дрогнул в едва уловимой, но от того не менее торжествующей ухмылке. В его глазах вспыхнула искра — не гнева, а скорее насмешливого, собственнического удовольствия. Он уловил мой взгляд. Поймал мою слабость. И это, кажется, позабавило его куда больше, чем злость его гостей.

Он не сказал ни слова. Просто поднял бокал, который кто-то из слуг тут же поставил перед ним, и его взгляд, все еще прикованный ко мне, сказал все за него: «Ты уже моя. И ты это знаешь».

Потом он медленно повернулся к своим гостям, и в его позе читалась насмешливая, почти кошачья грация. Янтарные глаза скользнули по потупившимся лицам.

— Может, кто-то хочет право владеть ею... выиграть в дуэли? — голос Эмиля прозвучал сладко и ядовито, словно он предлагал не смертельный бой, а игру в кости.

В зале повисла гнетущая тишина. Никто не шевельнулся. Я услышала, как кто-то с краю, пряча лицо за бокалом, прошипел:

— Дуэль с Черной Яростью? Это чистое самоубийство.

Но тут раздался скрежет стула. Поднялся тот самый мужчина с холодными зелеными глазами, который так пристально изучал меня. Его движения были спокойны и выверены.

— Сколько будет действовать твое предложение, Эмиль? — его голос был ровным, металлическим, без тени страха или эмоций.

Атмосфера в зале наэлектризовалась еще сильнее. Эмиль повернулся к нему, и на его лице расцвела широкая, дикая улыбка, полная азарта и предвкушения.

— Ты хочешь участвовать, Дрейл? Не ожидал от тебя такого... азарта.

— Да, — коротко бросил тот, не отводя пристального взгляда. — Но мне нужны гарантии. Гарантии, что дуэль будет проведена по правилам Круга Старейшин. И что ты не тронешь девушку, пока дуэль не состоится.

Он сделал паузу, его зеленые глаза, словно у хищной птицы, были прикованы к Эмилю.

— Условия: бой смешанный. В обеих ипостасях. На спортивной арене, чтобы все видели и могли засвидетельствовать честность поединка. Приз... — он холодно кивнул в мою сторону, будто указывая на мебель, — она. Здоровая, без единого побоя. И с сохраненной невинностью. Никаких прав до победы.

Его слова висели в воздухе как холодный, расчетливый вызов горячей ярости Эмиля. Это был не порыв ревности или жажды. Это был стратегический ход. И от этого становилось еще страшнее. Я была разменной монетой в игре, правил которой не знала и не понимала. Что значит в обеих ипостасях?

Эмиль потемнел взглядом. Казалось, тени в зале сгустились вокруг него, поглощая свет факелов. Его яркие глаза, обычно полные холодной насмешки, теперь пылали глухим, звериным гневом. Дрейл же не моргнув глазом выдерживал его взгляд, его зеленые глаза оставались ледяными и непроницаемыми. Между ними висела невидимая стена из давней, невысказанной истории, и сейчас я стала камнем, брошенным в явно неустойчивое перемирие.

За столом вновь поднялся тревожный шепот. Слова «лучшие друзья», «поссорились», «из-за человечки» долетали до меня обрывками, утопая в общем гуле недоумения и возбуждения.

Потом Эмиль медленно повернул голову ко мне. Я все еще сидела на холодном полу, подобрав под себя ноги. Туфельки я умудрилась потерять, когда пятилась и падала. Оборванное платье безнадежно висело ключьями, и только его просторная рубашка, пахнувшая дымом и чем-то диким, прикрывала меня, спадая с плеч и укутывая, как мешок. Я вжалась в нее, пытаюсь стать меньше.

Эмиль повел носом, его ноздри дрогнули. Затем, не стесняясь и не обращая внимания на присутствующих, он сделал несколько глубоких, шумных вдохов, словно втягивая мой запах, пытаюсь уловить в нем что-то неуловимое.

И тогда мне показалось, что из его груди вырвалось низкое, гортанное ворчание. Не рык, а скорее глубокий, животный гул, похожий на урчание огромного кота, но с металлическим, угрожающим оттенком. Это было что-то глубоко нечеловеческое, первобытное, отчего по коже побежали мурашки. И было ощущение, что внутри меня что-то откликается на это урчание.

Он закрыл глаза на мгновение, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. А когда открыл, в них бушевали уже знакомые мне холодные эмоции.

— Договорились, — прорычал он, и в его голосе все еще слышался тот самый звериный призыв.

В зале будто сорвало крышу. Мужчины вскочили, заорали, заулюлюкали, застучали кубками по столу. Азарт и жажда зрелища мгновенно перевесили все остальные эмоции. Двое сильнейших сойдутся в бою. И приз — я.

А я сидела на полу, закутанная в рубашку своего тюремщика, и понимала, что из собственности одного монстра я превратилась в разменную монету в схватке двух хищников. Исход дуэли не сулил мне свободы. Лишь смену хозяина.

«Но если выбирать из двух зол... я выберу Дрейла», — пронеслось в голове, пока Эмиль, уже отвернувшись, бросал через плечо приказ:

— Уведите её в темницу.

— Может, лучше предоставить ей комнату? — резко, почти отрезая, бросил Дрейл. Его зелёные глаза метнули в Эмиля холодную сталь.

— Нет, — голос Эмиля прозвучал окончательно и бесповоротно. Он обернулся, и в его взгляде снова запылали знакомые искры жестокости. — Её долг никто не отменял. И своё положение ей стоит помнить.

Меня резко подхватили под локти. Цепкие, сильные руки. Я вздрогнула и инстинктивно попыталась вырваться, но взглянула на тех, кто вёл меня. Это были две женщины в простых платьях служанок. Их лица были суровы и непроницаемы для окружающих мужчин, но в глазах, мельком встретившихся с моими, читалось не злорадство, а глухое, безмолвное сожаление. Одна из них едва заметно покачала головой, призывая к покорности.

И я обмякла, позволив им вести себя. Их хватка была твёрдой, но не грубой. Они не тащили, а скорее быстро и ловко вели меня прочь из шумного зала, окутанную в чужую рубашку, с босыми ногами, шаркающими по холодному камню.

Уже уходя, на последнем повороте в коридор, я обернулась.

И увидела его.

Эмиль стоял всё так же у стола, с бокалом в руке, но он не смотрел на Дрейла и не праздновал со всеми. Его взгляд был прикован ко мне. Янтарные глаза, горящие в полумраке, провожали меня с выражением, от которого защемило под ложечкой. В них не было ни злости, ни насмешки. Только пристальная, неотрывная заинтересованность. Как будто он увидел нечто невероятно редкое и ценное, что только что едва не упустил.

И этот взгляд был куда страшнее всех его предыдущих ухмылок и угроз.

Глава 6

Меня вели длинными, холодными коридорами. Каменные стены, украшенные темными гобеленами с вытканными драконами, казалось, сжимались вокруг. Женщины по бокам время от времени тяжело вздыхали, и в их молчаливой печали было больше сочувствия, чем я видела за всем столом у тех, кто называл себя благородными.

Прислуга, солдаты в латах — все, кто встречался нам на пути, поспешно отводили глаза, пятясь к стенам. Было странно и жутко. Я начала понимать: здесь, в этом мире, были разные люди. Одни — с яркими, нечеловеческими глазами и вертикальными зрачками. Драконы. Их называли именно так, и они все были невероятно большими, статными, с холодной, опасной красотой, как Эмиль или Дрейл. Уж лучше бы просто ящерицы, честное слово. А остальные... выглядели обычно. Как я. Как эти служанки. И все они, «обычные», старались не привлекать к себе внимания, опускали взгляды и ступали тихо.

Вскоре мы миновали последний факел, и воздух стал влажным и спертым. Мы начали спускаться вниз по узкой, крутой винтовой лестнице, вырубленной прямо в толще камня. Шаг за шагом, вглубь земли. Свет остался где-то наверху, и нас окружал лишь тусклый отсвет единственного светящегося шара, который одна из женщин несла в руке. Он отбрасывал прыгающие тени на грубые, покрытые ином стены.

Чем ниже мы спускались, тем громче становилось тиканье капель где-то в темноте и тем сильнее пахло сыростью, плесенью и чем-то еще... металлическим, сладковатым. Знакомым до тошноты. Страхом и отчаянием, которые впитались в эти камни на века.

Мы шли в темницу. Место, откуда не возвращаются.

И вот она. Это было даже не помещение, а просто выбитая в скале ниша, грубо загороженная массивной железной решеткой, сквозь прутья которой я могла разглядеть лишь тьму. Внутри были охапка прелого сена в углу вместо кровати и ржавое ведро для отправления нужд. Отчаяние сдавило горло, и я громко, по-детски всхлипнула.

Руки женщин, все еще державшие меня под локтями, на долю секунды сжались чуть крепче — молчаливый, жалкий знак поддержки.

— Марк, открывай! — резко, почти срываясь на крик, сказала одна из них, обращаясь вглубь коридора.

Из тени, откуда-то из-за поворота, появилась фигура. Это был сгорбленный старичок, одетый в странную смесь поношенной мантии и простого крестьянского костюма. Он совершенно не походил на сурового тюремщика. Медленно, шаркая ногами, он подковылял к нам, и чем ближе он подходил, тем удивленнее становилось его морщинистое лицо. Его очень светлые, почти выцветшие глаза под седыми ресницами обвели меня с ног до головы, а потом установились на женщин, которые и правда казались великаншами рядом с ним и со мной.

— Долг? Уже? — запричитал он тонким, дребезжащим голосом, начиная шарить руками по складкам своей мантии в поисках ключей. — Ой-ей-ей, не ожидал... — Он снова посмотрел на меня, закачал головой, и на его лице отразилась искренняя, неподдельная жалость. — Ой-ей-ей, как же жаль, что друзья господина не забрали тебя. Ты так понравилась господину? Я, конечно, вижу, красавица, но явно не во вкусе хозяина. Он любит си...

— Она его разозлила, — резко, почти грубо, перебила его одна из женщин, бросая взгляд через плечо, словно боясь, что нас могут подслушать. — А еще заинтересовала господина Дрейла. Теперь будет дуэль.

Слова повисли в сыром, холодном воздухе. Старик Марк замер с огромным железным ключом в руке. Его брови поползли вверх, а бледные глаза округлились от неподдельного шока. Он посмотрел на меня уже с совершенно новым, оценивающим интересом, смешанным с суеврым страхом.

— Д-Дрейл? Да чтобы я... Дуэль? Из-за... — он не закончил, лишь беспомощно повел ключом в мою сторону, словно я была какой-то диковинной и крайне опасной зверушкой. — Ох, детка... — прошептал он уже совсем тихо, и в его голосе прозвучало нечто похожее на предостережение. — Тогда тебе точно надо помолиться, чтобы победил тот, кто добрее. Хотя... — он тяжело вздохнул и сунул ключ в скважину, — ...здесь такого не бывает.

Скрип железа прозвучал оглушительно громко в каменном коридоре. Решетка отворилась.

Меня аккуратно, почти с жалостью, подтолкнули в холодную нишу. Камень леденил босые ноги, и я, сразу повернувшись к решетке, ухватилась за прутья.

— Извините, — проговорила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы не могли бы забрать мою обувь из обеденного зала? Я нечаянно там забыла, когда ваша... ящерица меня толкнула.

Эффект был мгновенным. Женщины и старик замерли с выпученными глазами, словно я предложила им украсть самого Эмиля. Одна из женщин резко побледнела, поднесла руку ко рту. А старичок Марк и та, что была покрепче, переглянулись. Через секунду залп дикого, неконтролируемого хохота прокатился по мрачному подвалу.

Они смеялись так сильно, что женщину даже согнуло пополам, она ухватилась за живот, давясь и всхлипывая. Старик Марк, слезы которого блестели на его седых ресницах, тыкал пальцем в мою сторону, не в силах вымолвить ни слова.

Наконец, отдышавшись и вытирая глаза, крепкая женщина выпрямилась. Ее смех мгновенно сменился настороженным, пронизывающим взглядом.

— Так, — протерла она ладони о платье. — А теперь отвечай, кто ты? Ты не можешь быть Вельф...

— Почему? — нервно спросила я, сжимая холодные прутья решетки.

— Потому что Вельфы, — она сделала шаг вперед, и ее голос стал тихим и четким, — воспитываются в страхе перед Черными Драконами... вернее, перед Черным Драконом. Вы, аристократы, писаетесь от ужаса при одном его упоминании. А ты... — она снова фыркнула, качая головой, — «ящерица». Ни одна настоящая Вельф не рискнула бы даже подумать такое, не то что сказать вслух. Так кто ты?

В ее глазах читалось не враждебность, а жгучее любопытство и доля суеверного страха. Я поняла, что совершила первую серьезную ошибку.

И тут сильнейший грохот, от которого задрожали стены, прокатился от лестницы. Он был оглушительным, словно обвалилась часть свода. А следом за ним — низкий, протяжный рык, полный такой чистой, нечеловеческой ярости, что кровь застыла в жилах.

Мы все, как по команде, резко устали в сторону входа в подземелье. Даже старик Марк выронил ключи, и они с оглушительным лязгом покатались по каменному полу.

Мое сердце вдруг забилося с такой силой, что стало трудно дышать. Я не просто поняла — я почувствовала это всем нутром, каждой клеточкой, которую он уже успел своим присутствием заразить. Это шёл Эмиль.

Адреналин снова ударил в голову, горький и острый. Я инстинктивно отступила вглубь камеры, в самый темный угол, прижимаясь спиной к холодному, шершавому камню. Пальцы судорожно сжали края его рубашки, пытаясь укутаться в этот ничтожный кусок ткани, как в кокон, спрятаться, исчезнуть.

Шаги раздавались всё ближе. Тяжёлые, мерные, не скрывающие своей силы. Каждый удар о каменные плиты отзывался эхом в моей груди. Рык стих, сменившись настораживающим, грозным молчанием, которое было страшнее любого крика.

Тюремщик и служанки застыли в немых позах, глаза их были полны животного страха. Они знали, кто сейчас появится в проёме. И знали, что гнев Черного Дракона не знает пощады.

— Господин Эмиль... — было начал Марк, его голос дрожал, как осиновый лист.

— Тссс, — шипящий звук, полный нетерпения и власти, разрезал воздух. — Покиньте нас. Долг меня явно заждался...

Служанки и Марк почти синхронно склонили головы в немом поклоне и, не поднимая глаз, бросились прочь, их шаги торопливо затихли в темноте коридора. Я все еще сидела, вжавшись в свой угол, не видя его, но ощущая каждым нервом. Он больше не шаркал ногами. Он стоял бесшумно, как сама тень, и от этого становилось еще страшнее.

Я молчала. И он молчал. Тишина давила, становилась осязаемой, густой, как смола. Она звенела в ушах громче любого рыка.

А потом он запел. Его голос был низким, бархатным, с легкой хрипотцой, и он плыл в сыром воздухе темницы, словно не принадлежал этому месту. Слова были простыми, старинными, похожими на народную балладу.

«Не в золоте убор, не в шелках платье,
Не в башне высокой сидела девица.
В пещере сырой, средь теней и страха,
Где стужа грызет, словно змея, затаившись.
Но видел дракон сквозь туман и граниты,
Не знатность родов, не блеск злата-серебра.
Увидел он искру, что ярче всех солнц,
Ту, что от рождения в сердце хранила.
Он души не чаял в красе приземленной,
Ему была нужна истинная, сердцем свободная.
Чтоб тьму его светом своим озарила,
И в паре с ним вечность вдвоем разделила...»

Он пел негромко, почти для себя. И в этой песне, в этих словах об истинной красоте, скрытой в темнице, было столько горькой иронии и странной, непонятной тоски, что у меня перехватило дыхание. Он пел... обо мне? Или это была насмешка? Испытание?

Песня оборвалась так же внезапно, как и началась. Тишина снова обрушилась в темницу, но теперь она была наполнена тысячью невысказанных вопросов.

— Ну что, «ящерица»? — его голос прозвучал совсем близко, прямо у решетки. — Нашла в себе ту искру? Или так и будешь сидеть в углу, как перепуганный мышонок?

— Что? Какую «искру»? — прошептала я, понимая, что слух у него, должно быть, отменный, и шепот долетит до него так же четко, как и крик.

— Вот именно, какую искру... — его голос прозвучал странно, слова слегка заплетались, сливаясь воедино. — Да у такой мрази, как ты, ее и быть не может...

Он пьян. Мысль пронеслась с внезапной ясностью. Не просто, а изрядно. Это объясняло и его внезапный визит, и песню, и эту размытую, неустойчивую агрессию.

— Я пришел за своей рубашкой, — услышала я его неуверенные шаги, шарканье по камню. — И принес тебе твою обувь.

И я наконец увидела его, когда он приблизился к решетке. Он все еще был по пояс голый, его торс, освещенный тусклым светом из коридора, казался бледным и могущественным в полумраке. В одной руке он небрежно держал мои туфли, болтавшиеся за лямки.

— Равноценный обмен, тваринка, — прохрипел он, и на его лице расплылась пьяная, самодовольная ухмылка.

— Но я... я останусь голая, — едва выдохнула я, сильнее вжимаясь в угол, в ткань его рубашки.

Он расхохотался коротко и грубо. Затем, не говоря ни слова, засунул мои туфли каблучками себе за пояс тканых штанов. Двумя руками он облокотился о прутья решетки, наклонившись так близко, что я почувствовала запах дорогого вина и дымного дыхания.

— Ну, выбирай, — его голос был низким и насмешливым. — Или голая... или босая. Рубашка или обувь. Решай быстрее, я не отличаюсь терпением.

Глава 7

Внутри меня начал разгораться огонь ярости. Опять. Да что со мной такое? Я никогда не была вспыльчивой в стрессовых ситуациях, всегда старалась сохранять холодную голову. А тут будто какая-то пелена спала, и мной овладевали чужие, яростные эмоции.

И тут, как наваждение, на меня нахлынули картинки. Яркие, живые, пахнущие полевой травой и теплым солнцем. Это явно были воспоминания. Её воспоминания.

Я бегу по полю с другими девушками. Небо невероятно голубое, солнце ласкает кожу. Нам всем лет по шестнадцать-семнадцать. Мы все в красивых, легких платьях пастельных тонов, которые развеваются на бегу. Ясно, что мы аристократки. У всех волосы заплетены в сложные косы, перевитые шелковыми лентами. Мы смеемся, и этот смех такой беззаботный...

И вдруг нас накрывает огромная тень. Холодная и стремительная. Я поднимаю голову и вижу...

Ужасное. И прекрасное.

Огромного черного дракона. Он не просто большой, он величественный. Его чешуя переливается на солнце, как черный обсидиан, каждое движение могучего тела полно грации. Длинный хвост извивается в полете. Он... красивый. Невероятно.

Увидев нас, он начинает резкое снижение, почти пике. Девушки вокруг меня замирают на секунду, а потом срываются в бегство с истошными воплями и криками ужаса. Та, чьи воспоминания я вижу, тоже кричит и бежит...

Но я, та, что глубоко внутри, та, что из другого мира... я не чувствую страха. Только ошеломленное восхищение. Как можно бежать от такой красоты? От такой силы?

Дракон пролетает над нами так низко, что от взмаха его мощных крыльев пригибает к земле траву и рвет ленты из наших волос. Мне кажется, я чувствую на себе его взгляд. Он успевает вздохнуть, и этот звук похож на рождающуюся бурю. А потом он резко взмывает в голубое небо, к самому солнцу, и его силуэт уменьшается, становясь черной точкой.

И тут до меня доходит. Дракон... это Эмиль. Это его драконий облик. Он настоящий дракон.

Осознание ударило меня, как тяжелый камень в грудь. Это не было абстрактное знание. Это было воспоминание о встрече с живым богом этого мира, с воплощением мощи, против которой я — ничто. Той самой мощи, что сейчас пьяно ухмылялась за решеткой.

Паника накатила внезапно и тотально. Меня затрясло так сильно, что зубы выбивали дробь. Дыхание перехватило. Я даже не поняла, как начала звать по имени, не своё, не его, а чьё-то чужое, может, одной из тех девушек...

— Да что с тобой, мышонок? Очнись!

Его голос, резкий и раздраженный, пробился сквозь наваждение. Он больше не звучал пьяно-насмешливо. В нём сквозь хмель прорвалось что-то другое — внезапная настороженность.

Сильные, почти грубые руки схватили меня за плечи и прижали к холодной, шершавой стене. Дрожь все еще выбивала из меня все силы, но зрение начало медленно фокусироваться, выхватывая из мрака детали. Огромные, горячие ладони обхватили мое лицо, большие пальцы легли на виски, почти полностью закрывая их.

Низкий, властный голос заставил вздрогнуть, но не испугаться. В нем не было насмешки теперь. Была команда.

— Слушай мой голос. Ты сейчас в трансе. Мы выведем тебя. Давай, дыши. Вдох... выдох...

Он дышал громко и размеренно, заставляя меня неосознанно повторять за ним. Глубокий вдох, наполненный запахом вина, кожи и чего-то дикого, что было его сутью. Медленный выдох, с которым, казалось, уходила часть леденящего ужаса.

Это начало помогать. Я будто нашла якорь в бушующем море паники. И этим якорем был он. Его голос, его прикосновение, пугающее и непререкаемое. Я начала нормально видеть.

Передо мной было его лицо. Так близко, что я могла разглядеть каждую ресницу, тень от густых бровей, тонкие шрамы на скулах. На его холодном и надменном лице читалась целая гамма чувств: раздражение, недоумение, досада... и что-то еще, похожее на растерянное беспокойство. Он все еще держал мое лицо в своих ладонях, а мои руки, сами того не осознавая, покоились на его запястьях, и казались рядом с ними просто крошечными, бледными и хрупкими.

Он увидел, что я вернулась, что взгляд прояснился, и коротко, почти неслышно вздохнул — будто с облегчением. Напряжение в его пальцах ослабло на долю секунды.

А потом его взгляд, все еще прикованный ко мне, метнулся вниз.

В суматохе, когда он прижимал меня к стене, рубашка, его рубашка на мне, распахнулась, полностью обнажив одно плечо и грудь. Факел в коридоре бросал неровный свет, и его луч лег на мою и его обнаженную кожу.

Он замер. Его дыхание снова остановилось, но на этот раз не от концентрации. Янтарные глаза потемнели, зрачки расширились, поймав отблеск света на коже. Вся его настороженность, все раздражение мгновенно испарились, сменившись другим, куда более простым и древним интересом.

Я резко рванулась, пытаюсь скрестить руки на груди, спрятаться, защититься. Но я даже не успела сделать и половины движения. Его реакция была мгновенной, как у змеи. Он перехватил мои запястья одним ловким движением, с силой развел руки в стороны и прижал их к холодной стене над моей головой. Рубашка окончательно распахнулась, обнажая меня полностью.

Он оскалился, обнажив идеальные, слишком острые зубы. Его грудь тяжело вздымалась, ноздри раздувались, втягивая воздух, впитывая мой запах, мой страх. От него исходила мощнейшая, почти физическая аура дикого животного, готового к нападению. В этот момент я по-настоящему, до костей, испугалась его.

— Ты дал слово Дрейлу не трогать меня до дуэли! — закричала я прямо в его лицо, и голос сорвался на визгливую, отчаянную ноту.

При упоминании имени Дрейла Эмиль скривился, будто почувствовал во рту что-то горькое. В его глазах, горящих в полумраке, мелькнул тот самый оттенок дикой, неприкрытой ревности и яростного чувства собственности. Словно я была его вещью, на которую посмел посягнуть другой.

Он проигнорировал мои слова. Вместо ответа он грубым движением пинка раздвинул мои ступни, заставляя меня потерять и без того шаткое равновесие, и всем весом прижал меня к стене.

А потом он резко, без всякой нежности, впился губами и зубами в нежную кожу моей груди.

Я взвизгнула от неожиданности и резкой, непривычной боли, смешанной с чем-то острым и щемящим. Он в ответ рыкнул, низко и глухо, и вибрация этого звука прошла прямо сквозь меня. Никто и никогда не прикасался ко мне так... не трогал мою грудь. А он не просто трогал. Он смаковал, причмокивая, обжигая кожу влажным жаром своего рта, заставляя темный ореол и напряженный, незнакомый до этого чувствам бугорок пылать огнем. Он порывкивал, и по его прикрытым глазам было видно, что он получает от этого животное, первобытное удовольствие.

И я поймала себя на мысли, что мне... мне тоже невыносимо приятно. Даже очень. Волны жара растекались по низу живота, заставляя слабеть колени. Но я не какая-то там... прости Господи... я не вещь!

Я начала вырываться, пытаюсь высвободиться из его стальных клешней, брыкаясь и извиваясь. Он оторвался от моей груди, посмотрел мне в глаза — его взгляд был мутным от похоти — и громко, вызывая хохотнул. А потом его рот прильнул уже ко второй груди.

Тут из меня вырвался стон. Длинный, дрожащий, полный неподдельного наслаждения, которого я сама от себя не ожидала.

Эмиль замер на секунду, будто ошеломленный этим звуком. А потом начал с удвоенной, яростной силой ласкать и без того чувствительный бутончик языком, зубами, губами.

Я издала еще один стон, и ноги окончательно подкосились. Все тело обмякло, повиснув на его руках.

Дракон заурчал, довольный, глубоко в груди, точно огромный кот. А потом вдавился между моих ног своими мощными бедрами. Я прочувствовала сквозь тонкую ткань его штанов всю ту твердую, огромную мощь, что угрожающе пульсировала там, весь тот масштаб, которым он мог меня буквально испортить.

Истерика ударила в голову, слепая и дикая. Я забилась в его руках, как пойманная кошка, начала молотить его икры своими босыми ступнями, царапать ногтями его руки, те места, до которых могла дотянуться.

— Отпусти меня, ящерица! Не смей! — закричала я, и в голосе звенели и ярость, и унижение, и предательские слезы.

Эмиль резко оторвался от меня, отшвырнул от себя, сделав несколько шагов назад. На его лице читалось искреннее, неподдельное удивление и озадаченность, будто он не понимал, что происходит. Я шлепнулась на колени на холодный камень, судорожно, дрожащими руками начала заворачиваться в его рубашку, пытаюсь хоть как-то прикрыться. И из-под влажной челки зло, ненавидяще посмотрела на него.

Но в следующую же секунду он снова был рядом. Мгновенный бросок, и меня снова пригвоздили к стене. Только теперь я висела, как тряпичная кукла, на его одной руке, которая сдавила мое горло, не давая задохнуться, но и не позволяя пошевелиться.

— Кто ты? — сквозь стиснутые зубы прорычал он. Его лицо было искажено уже не похотью, а лютой, холодной яростью. Янтарные глаза пылали, впиваясь в меня. — Ни одна Вельф... ни одна женщина... не реагирует так! Ты кто, черт возьми?!

Глава 8

Тут из-за угла, словно из самой тени, выпрыгнул Марк. Я уже начинала задыхаться от того, что Эмиль в ярости все сильнее сдавливал мое горло, но все же отметила про себя, каким невероятно прытким был этот старик. Слишком прытким для такого сухого и немощного на вид человека.

— Господин Эмиль, — начал он тихо, но очень четко, его голос не дрожал. — Её слова... это лишь слова той, что помешалась. Её реакция... она нестандартна. Возможно, от страха и сильных переживаний.

Эмиль нехотя, медленно перевел взгляд с меня на Марка. Давление на горло ослабло на волосок, позволив мне сделать хриплый вдох.

— Что ты хочешь этим сказать, Марк? — его голос был низким и опасным. — Она сошла с ума?

— Начинает, — старик потихоньку, но уверенно подходил к нам, его светлые глаза были прикованы к лицу Эмиля. — Я заметил у неё первые признаки психоза. А ещё я заметил, что она начинает путать миры. Говорит о вещах, которых не может знать.

— Что? — Эмиль резко перевел взгляд обратно на меня, и его рука окончательно разжалась, отпуская мою шею. Я рухнула на колени, давясь кашлем и жадно хватая ртом воздух. Его взгляд, еще секунду назад полный лютой ярости, теперь... изменился. В нем читалось недоумение, настороженность и... странное, неподдельное сочувствие?

— Да, мой господин, — продолжал Марк, подходя совсем близко. — Она так и спрашивала, с перепугу: «Где я?». Её разум теперь думает, что она другой человек, из другого места. Поэтому она сейчас и ведёт себя не как Вельф... Не сердитесь на неё сильно, иначе ваш долг пострадает до дуэли. Мы знаем, что вы его выиграете, но всё-таки... Зачем вам битая игрушка?

Эмиль задумался, его взгляд скользнул по мне, сжавшейся в комок на полу, закутанной в его рубашку и трясущейся как осиновый лист.

— Ты прав, Марк, — наконец произнес он, и его голос потерял всякую агрессию, став усталым и почти разочарованным. — Игра испорчена, если игрушка не в себе.

Все это время я сидела, прижавшись спиной к холодной стене, и слушала их разговор, пытаюсь перевести дух. И самое ужасное было то, что слова старика... они имели смысл. Путает миры. Думает, что она другой человек. Я поняла, что я скорее всего и вправду схожу с ума. Иначе как я могла объяснить все, что со мной происходило? Воспоминания, которых у меня не было? Эмоции, которые мне не принадлежали? Это было куда логичнее, чем мысль о том, что я попала в другое тело.

И эта мысль была настолько пугающей, что я обхватила себя руками и зажмурилась, пытаюсь убедить себя, что это просто кошмар. Просто сон. Просто безумие.

Что угодно, только не правда.

И вот тогда меня накрыло по-настоящему. Море эмоций, которое я пыталась сдерживать, прорвало плотину. Оно накатывало волнами, все сильнее и сильнее, пока я не начала просто тонуть в нем. Сознание помутнело, и началась настоящая, глубокая истерика. Я укрыла лицо ладонями и зарыдала. В голос. Горько, безнадежно, не стесняясь и не думая о том, что это видят Эмиль и Марк.

Я плакала о потерянном доме, о кофе по утрам, о простой и понятной жизни. О страхе, об унижении, о том, что мой разум, единственное, что у меня оставалось, теперь предавал меня. Слезы текли ручьями, тело сотрясали судороги.

Я почти не почувствовала, как меня накрыли чем-то большим, толстым и тяжелым — похоже, одеялом. Я не убирала ладошек от лица. Потом чьи-то сильные руки осторожно под-

няли меня и понесли. Пока мы двигались куда-то, слезы потихоньку начали уходить, оставляя после себя пустоту и страшную усталость.

Меня явно уносили из темницы. Куда — я не знала и уже не могла заставить себя волноваться.

Меня положили на что-то мягкое — на кровать. Руки я убрала от заплаканного лица только тогда, когда услышала, как прикрыли дверь. Сил рассматривать комнату не было, да и в ней было темно, лишь слабый отсвет луны падал из узкого окна где-то высоко под потолком.

Я просто лежала, всхлипывая и пытаюсь успокоиться. И тут до меня донеслись приглушенные, но яростные голоса из-за двери.

— Что ты с ней сделал? Неужели твое слово ничего не значит? — прорычал низкий мужской голос. Дрейл.

— Успокойся, Дрейл. Она в порядке. Просто крышей поехала, — это был голос Эмиля, усталый и раздраженный.

— Что? Как?

— Ведет себя не как Вельф. Вообще странно себя ведет. Бредит.

— Она просто храбрая и не течет от тебя, как остальные! Вот и все, а ты сразу болезнь ей приписываешь! — рыкнул Дрейл, повышая голос.

— И что ты от меня хочешь? Я и так согласился на дуэль с тобой! С другом!

— Отдай мне ее так! Сейчас! — в голосе Дрейла прозвучала отчаянная настойчивость.

— Нет!

— Но почему? Возьми себе новую Вельф, они так тебя боятся, что еще одной пожертвуют! — панически, почти тараторя, выпалил Дрейл.

Последовала пауза, густая и напряженная. И когда заговорил Эмиль, его голос звучал тихо, но с какой-то новой, жутковатой убежденностью.

— Не могу. Она пахнет... как моя... истинная.

Сначала за дверью воцарилась дикая, гнетущая тишина, будто воздух сгустился от произнесенных слов. Казалось, даже стены затаили дыхание.

А потом Дрейл, запинаясь, с трудом выдал из себя:

— Но ведь это же... хорошо? Значит, проклятье будет снято. И ты сможешь продолжить род. У тебя появятся дракончики... — в его голосе прозвучала неуверенная, вымученная надежда.

— Нет, — голос Эмиля прозвучал резко, как удар хлыста. — Не от её проклятого рода. Я думаю, это ошибка. Помешательство, о котором говорил Марк, тому подтверждение. Поэтому я и оставил её себе, чтобы удостовериться, а ты со своей официальной дуэлью, да ещё в обеих ипостасях... — в его тоне сквозила язвительная досада.

— Мог бы хотя бы подмигнуть, дать знак, что что-то не так, — проворчал Дрейл с упреком.

— Не мог, — Эмиль хрипло рассмеялся, и в его смехе слышалось напряжение. — Боролся с желанием взять её прямо там же, за столом, на глазах у всех... Она... разжигает что-то древнее. Даже в таком состоянии.

— Ну, тебе не привыкать, — сухо, почти цинично прервал его Дрейл.

— Так, всё, хватит, — отрезал Эмиль, и в его голосе вновь зазвучала привычная власть. — Пойдём лучше отметим нашу завтрашнюю дуэль. И ты расскажешь свою стратегию... если она, конечно, у тебя есть.

Их шаги, сначала тяжелые и недовольные, потом более ровные, затихли вдалеке.

А я... я провалилась в сон. Не в исцеляющую темноту, а в беспокойное, тревожное забытие, где смешались образы летящего черного дракона, жгучего прикосновения Эмиля и его страшных, невыносимых слов: «Она пахнет как моя истинная». Что бы это ни значило...

Глава 9

Я проснулась от того, что меня кто-то аккуратно тряс за плечо.

— Леди Вельф, леди Вельф... пора вставать. Вам ещё надо принять ванну и переодеться.

Я проморгалась, пытаюсь прогнать остатки тяжелого, беспокойного сна, и с шоком уставилась на женщину, склонившуюся надо мной. Ее лицо показалось знакомым.

— Вы кто? — прохрипела я, горло саднило от вчерашних слез и криков.

— Я приставлена к вам временно. Я Ирма. Помните, я вчера вас вела в темницу, — женщина улыбнулась слабой, усталой улыбкой. — Но наш господин так благородно поступил. Он выделил вам комнату.

Пока она говорила, я медленно опустила ноги на холодный каменный пол и обвела комнату взглядом. Небольшая комнатка с маленьким окном под самым потолком. Все стены были выкрашены в серые и бежевые тона. Из мебели — только простая деревянная кровать, на которой я сидела, стол, шкаф и один стул. Возле кровати была еще одна дверь, кроме входной. Никаких украшений, ковров или занавесок. Спартански, но при этом поразительно чисто.

И тут я вспомнила. Все. От начала до конца. Ледяная волна осознания накрыла меня с головой. Я все-таки не сплю. Я не сошла с ума. Я попала в это тело. Я — попаданка. И это не страшный сон, это моя новая, ужасающая реальность.

У меня затряслись губы, и я сглотнула комок, подступивший к горлу.

— Я понимаю, что это не ваши покои дома, — начала меня успокаивать Ирма, заметив мое состояние, — но уж куда лучше комната прислуги, чем темница. И уж лучше живой, а не...

Она запнулась на полуслове, резко оборвав себя, и в ее глазах мелькнул неподдельный страх.

— А давайте, я вам ванну нагрее, — быстро сменила она тему, стараясь говорить бодрее. — Примите, расслабитесь. Успеет до дуэли.

— Здесь есть ванна? — удивилась я, оглядывая аскетичное помещение.

— Конечно! — Ирма даже слегка всплеснула руками, явно гордясь этим фактом. — Господин Эмиль с большим уважением относится к прислуге и к нашему здоровью и чистоте. Здесь в каждой комнате есть по ванне! У господина Эмиля многие прислуживают целыми поколениями. Самый лучший господин, справедливый. Ну, правда, — ее голос понизился до доверительного шепота, — мы все его боимся, когда в замке появляется кто-нибудь из Вельфов. Тогда он становится невыносимым и злым...

Она подошла ко второй двери у кровати и открыла ее, показав внутрь небольшое помещение с медной ванной и всем необходимым.

Я сидела на кровати, глядя на нее, и в голове крутились вчерашние слова Эмиля: «Она пахнет как моя истинная». Этот «справедливый» и «лучший» господин, который устраивает дуэли из-за пленниц и держит их в темницах. Контраст между рассказом Ирмы и моим собственным опытом был настолько разительным, что впору было сойти с ума по-настоящему.

— Пройдите, — сказала Ирма нежно и помахала рукой, приглашая меня в небольшое помещение.

Я послушно последовала за ней. Внутри была та самая медная ванна, а также каменная раковина и еще несколько непонятных приспособлений. Ирма сначала повернула какой-то рычаг на стене, и из медной трубы, вделанной в стену, с тихим шумом полилась чистейшая, прозрачная вода. Я смотрела на это, как замороженная. Водопровод? В этом мире?

Потом она достала из ящика два плоских, гладких камня, на которых были вырезаны сложные переплетающиеся узоры. Она стукнула их друг о друга, и они на мгновение вспыхнули тусклым оранжевым светом. Затем она бросила их в наполняющуюся ванну.

Камень коснулся воды, и по ее поверхности тут же побежали легкие волны тепла. Вода начала быстро нагреваться, от камней шел едва заметный пар.

— Зачем ты это сделала? — удивилась я, не в силах скрыть любопытство.

— Так ведь воду нагреть надо, — с искренним недоумением ответила Ирма. — Это артефакты. В каждой комнате такие есть. — Она посмотрела на мое растерянное лицо, и ее собственное выражение смягчилось пониманием. — Ах, я совсем забыла. Вы же немного того... — она деликатно постучала пальцем себе по виску. — После вчерашнего... Ну, вы понимаете. Не волнуйтесь, всё наладится.

Она говорила это с такой простой, неподдельной уверенностью, что у меня снова сжалось сердце. Она искренне верила, что я «немного того», и старалась быть со мной мягче. Эта маленькая бытовая магия, такая обыденная для них, была для меня очередным шокирующим доказательством того, что я оказалась в совершенно ином мире. И мне пришлось играть роль сумасшедшей, чтобы скрыть свое незнание самых простых вещей.

— Да... конечно, — тихо сказала я, глядя, как вода в ванне становится все теплее. — Спасибо, Ирма.

Она улыбнулась мне ободряюще и вышла, чтобы дать мне умыться. А я осталась стоять перед волшебной ванной, чувствуя себя абсолютно чужой и незащищенной в этом мире, где даже горячую воду добывали с помощью зачарованных камней.

— Я оставлю вам платье на кровати, — донесся из основной комнаты голос Ирмы.

— Спасибо, — автоматически ответила я, не отрывая взгляда от ванны.

Вода была не просто чистой, а она искрилась, словно в нее влили жидкий бриллиант. Она казалась волшебной, обещая не просто омыть, а смыть всю грязь, страх и усталость. Рядом на стене торчал странный металлический штырь, а на нем висело большое, мягкое на вид полотенце.

Сделав глубокий вдох, я быстро скинула с себя порванное платье и грубую рубашку Эмиля. Кожа под ними была бледной, в синяках от вчерашних мытарств. Я залезла в воду. Она еще не успела набраться до краев, но я все равно легла, позволив теплой жидкости обнять мое измученное тело.

И тогда случилось невероятное. Едва кожа коснулась воды, с нее словно стекала невидимая пленка. Мелкие царапины, пыль, прилипшие соринки — все это исчезало без следа, оставляя кожу идеально чистой, мягкой и будто сияющей изнутри. Я провела рукой по руке — никакого мыла, просто вода и магия. Волшебство. Или, как это назвала Ирма, бытовая магия. Для них это было так же обыденно, как для меня кран с горячей водой.

Восторг от чуда сменился горечью. Мне так отчаянно не хватало воспоминаний той Николь! Она бы знала, как себя вести, что говорить, как пользоваться этими артефактами, не вызывая подозрений. А я была слепым котенком, выброшенным в мир, где даже гигиена была сопряжена с риском выдать себя.

Я закрыла глаза, погрузившись с головой в чудесную воду, пытаюсь смыть не только грязь, но и тяжелые мысли. Хотя бы на несколько минут.

Перед тем как погрузиться с головой, я услышала, как хлопнула дверь. Ирма ушла. И вот я осталась одна, наслаждаясь водной тишиной и удивительным эффектом воды. Она не просто очищала тело — она будто успокаивала сам разум, смывая остроту паники. И сквозь это умиротворение ко мне начали пробиваться обрывки воспоминаний. Не моих. Её. Николь Вельф.

Детские образы: солнечные поля, строгая гувернантка, шепот няnek о злых драконах, пожирающих непослушных детей. Страшные сказки на ночь, которые были не сказками, а предупреждениями. Отрывки из уроков истории — древняя война, кровавая и беспощадная. Смутный образ отца, сурового мужчины, который что-то обещал... что-то важное... Вода будто

лечила не только тело, но и связывала мою душу с душой этой девушки, позволяя заглянуть в ее прошлое. И вот-вот, казалось, я узнаю что-то ключевое...

Как вдруг жесткие, сильные руки с силой впились в мои плечи и резко выдернули меня из воды! Я чуть не захлебнулась, воздух с шумом ворвался в легкие.

— Ты что творишь, безумная! — над моим мокрым лицом нависло разгневанное лицо Дрейла. Его зеленые глаза были полны не гнева, а... испуга? Одной ногой он стоял в ванне, вода заливала его сапог, а руками он поддерживал меня под голую спину, не давая упасть.

— Я просто принимала ванну! — отплевываясь от воды, пропищала я, пытаюсь вырваться. — Что вы здесь делаете?!

И в этот момент мы оба осознали ситуацию полностью. Я была абсолютно голая. А моя кожа, напитавшись волшебной воды, светилась изнутри мягким, перламутровым светом, подчеркивая каждую линию и изгиб.

Дрейл замер. Его взгляд прилип к моему телу. Он начал глубоко, прерывисто дышать, глаза его потемнели, расширились. Его самого затрясло — не от страха, а от нахлынувшего желания.

— Извини... — прошептал он хрипло, и в этом слове была не просьба, а предупреждение.

И прежде чем я успела что-либо понять или сделать, он грубо, почти жестоко припал своими губами к моим. Это был не поцелуй, а захват, заявление прав. Я почувствовала вкус его кожи, металла и дикой, неконтролируемой страсти.

В этот самый миг по всему замку, казалось, от подвала до самых башен, разнесся оглушительный, яростный рык. Рык, в котором было столько гнева, боли и ревности, что задрожали стены. И где-то совсем рядом, будто в соседней комнате, с грохотом обрушилась каменная кладка.

Дрейл резко оторвался от меня, в его зеленых глазах плясали безумие и торжество. С легкостью, нечеловеческой для его сложения, он выдернул меня из ванны, так что с меня ручьями хлынула волшебная вода. Он дико улыбался, не обращая внимания на то, что сам промок до колена.

Здание снова затряслось, с потолка посыпалась мелкая каменная пыль.

— Что это? — закричала я в испуге, пытаюсь прикрыться руками.

— Дуэль, милая! Началась чуть раньше плана! — почти пропел он, его голос звенел ликующим безумием.

Он вынес меня в основную комнату и с размаху кинул на кровать, как тряпичную куклу. Я отскочила на упругом матрасе, едва не ударившись о стену, и в панике схватила первое, что попало под руку — черное платье, оставленное Ирмой. Я прижала его к груди, пытаюсь укрыть наготу, сердце колотилось где-то в горле.

Дрейл стоял посреди комнаты, дико улыбаясь. А после он подмигнул мне и понесся в коридор, оставив меня голой и в состоянии шока.

Глава 10

Я пребывала в полном шоке, не в силах пошевелиться. Где-то прямо над нами началась адская тряска, будто по крыше били гигантским молотом. С потолка что-то посыпалось. В коридоре поднялся оглушительный крик. Голоса прислуги сливались в единый панический вопль, слышался топот бегущих ног, звон разбитой посуды. А сквозь это — леденящие душу звуки: низкий, протяжный рык, полный чистой ярости, и оглушительный грохот, от которого содрогались стены. Казалось, снаружи рушился весь мир.

Дверь в мою комнату с треском распахнулась, и внутрь буквально влетела Ирма. Ее глаза были выпучены от ужаса, лицо побелело, как мел.

— Леди! Под кровать! Быстро! — выдохнула она, задыхаясь, и бросилась ко мне, хватая за руку. Ее пальцы леденили мою кожу. — Драконы! Они дерутся на спортивной площадке, но... они слишком близко! Весь замок рухнет!

В этот момент раздался особенно мощный удар, и где-то совсем рядом с оглушительным скрежетом обрушилась часть стены. Крики снаружи стали пронзительнее. Ирма со слезами на глазах попыталась стащить меня с кровати, но ее собственная дрожь мешала ей.

А я сидела, прижимая к груди черное платье, и смотрела на дверь. Не из-за храбрости. Просто внутри все опустело от осознания: это не спецэффекты. Это настоящие драконы. И дерутся они из-за меня.

— Господин совсем слетел с катушек! Опять разнес все северное крыло! Опять замок отстраивать надо! — лепетала вся в слезах Ирма. При ее высоком росте, почти под метр восемьдесят, она сейчас съежилась и выглядела как перепуганная девочка, ее мощные плечи тряслись от рыданий.

А вот у меня внутри, наоборот, что-то забилося. Не страх, а дикое, необъяснимое любопытство, смешанное с адреналином. Я должна быть там. Я должна видеть этот бой своими глазами. Эта мысль пронзила меня с силой, не оставляющей места для сомнений.

— Ирма, хватит реветь! — рявкнула я так резко, что она вздрогнула и замолчала, уставившись на меня широкими, мокрыми глазами. — Помоги мне влезть в это платье! И где нижнее белье?

— Я... я про него забыла! — всхлипнула она, и слезы хлынули с новой силой. — В такой суматохе...

Еще один оглушительный удар, на этот раз совсем рядом, заставил вздрогнуть даже меня. Времени не было.

— Ладно, черт с ним! — выдохнула я, вскакивая и хватая платье. — Помогай застегнуть!

Ирма все еще всхлипывала, но послушалась моей внезапной команды и засуетилась вокруг меня. Платье оказалось простым, из плотной темной ткани, без сложных застежек. Мы просто накинули его и затянули шнуровку на спине. Пока ее пальцы дрожа завязывали узлы, я лихорадочно соображала, как бы выбраться из комнаты и увидеть то, что происходило снаружи.

Мысль о том, что я стою в платье без нижнего белья, казалась сейчас такой незначительной по сравнению с ревом драконов за стенами.

— Мне нужна обувь! — устала я на босые ноги, а потом на Ирму.

— И про неё я тоже забыла! — опять всхлипнула она, разводя руками.

— Аааа! — взвыла я от бессилия, стиснув кулаки. — Тогда просто веди!

— Куда? — испуганно вытаращила на меня глаза Ирма.

— Туда, где они дерутся! Я должна это видеть!

— Может, не надо? — запричитала она, пятясь к двери. — В этот раз они прям свихнулись! Господин Дрейл будто насмерть пошёл! Такого я ещё не видела!

Но я уже не слушала. Адреналин и то самое странное «что-то» внутри, требовавшее быть свидетельницей, пересилили страх. Я схватила Ирму за рукав её простого платья и потащила за собой в коридор, не оставляя ей выбора.

— Леди, нет! — взмолилась она, но её ноги уже неслись рядом со мной по холодному камню.

Коридор был полон суеты. Слуги метались, прижимаясь к стенам, когда сверху снова раздавался оглушительный грохот. Пыль стояла столбом, в воздухе пахло гарью и чем-то едким, словно от молнии.

— Куда? — закричала я Ирме прямо в ухо, чтобы перекрыть шум.

— На западную башню! — выдохнула она, указывая рукой в конец коридора. — Со смотровой площадки всё видно!

Мы бросились бежать.

Мы влетели на смотровую площадку, запыхавшиеся. Воздух был пропитан электрическим возбуждением и страхом. Площадка была полна народу — в основном те самые мужчины-гости, чьи похотливые взгляды я уже успела возненавидеть. Они, не скрываясь, наблюдали за кровавым спектаклем, перекрикиваясь, смеясь и делая ставки.

Я оттолкнула кого-то локтем, пробиваясь к парапету, и, наконец, увидела.

Сначала я просто ахнула, успев мельком заметить, как мы высоко. А потом передо мной открылось зрелище, от которого перехватило дыхание.

Два величественных, невероятных дракона сходились в яростной схватке. Один — угольно-черный, с чешуей, поглощающей свет, словно кусок ночного неба. Другой — цвета темного изумруда, его чешуя переливалась на солнце, как будто он был высечен из живого малахита. Они были чудовищно огромны, могучи и... божественно красивы. Каждое движение было наполнено дикой грацией, взмахи крыльев поднимали ураган, когти рассекали воздух со свистом. Это была смертельная битва, но в ней была своя ужасающая поэзия.

Я смотрела, завороченная, и чувствовала, как по телу разливается не просто восхищение. Это было что-то более острое, первобытное. Сильное, почти пьянящее возбуждение. От осознания их мощи, от опасности, от того, что они сражаются из-за меня. Мои щеки пылали, дыхание сбилось. Мне захотелось летать с ними рядом.

Мужчины на площадке заметили мое состояние. Их взгляды, полные алчности и любопытства, скользнули по мне, задерживаясь на разгоревшемся лице, на груди, вздымающейся от частого дыхания. Они перешептывались, ухмыляясь.

И в этот самый момент черный дракон — Эмиль — резко, будто почувствовав мой взгляд, развернул свою огромную голову в нашу сторону. Его янтарные глаза, горящие, как расплавленное золото, мгновенно нашли меня в толпе. Они сузились, впиваясь в меня сквозь расстояние. В его взгляде не было ярости к противнику. Там была та же самая, знакомая уже одержимость, помноженная на дикую ревность. Он видел мое возбуждение. Видел восхищенные взгляды других мужчин.

Он замер на секунду, и Дрейл, воспользовавшись моментом, обрушил на него удар хвостом. Но Эмиль даже не дрогнул. Он смотрел только на меня. И этот взгляд был страшнее и волнующее любого рыка.

Его взгляд, горячий и тяжелый, будто физически касался меня, проходя сквозь одежду. Я почувствовала, как по телу разливается жар, а в низу живота закружилось сладкое, стыдное напряжение. Без нижнего белья я особенно остро ощущала, как становится влажно и горячо между ног. Я видела, как взгляды мужчин вокруг, уже и без того темные от похоти, становились еще тяжелее, еще пристальнее. Они чувляли мое возбуждение, как стервятники.

— Ирма, — прошептала я, наклонившись к ее уху, стараясь, чтобы голос не дрожал, — у драконов хороший нюх?

Прежде чем испуганная Ирма успела открыть рот, ответ донесся со стороны. Тот самый мужчина, что стоял поодаль, с холодными, оценивающими глазами, ухмыльнулся, явно уловив мой шепот благодаря острому слуху.

— Отменный, милочка, — прозвучал его насмешливый голос. — Как и слух. Они сейчас чуют тебя лучше, чем кровь друг друга.

Его слова прозвучали как приговор. И будто в подтверждение им, Эмиль издал оглушительный рев, в котором ясно читались не только ярость, но и дикое, собственническое требование. Ему вторил Дрейл, его зеленый сородич, и в его ответном крике слышалась не только ярость соперника, но и вызов.

И они снова сцепились в клубке когтей, зубов и мышечной мощи, но теперь их ярость, казалось, была направлена не только друг на друга, но и выплескивалась в нашу сторону, на смотровую площадку, где я стояла, пылая от стыда и невозможного, запретного возбуждения.

Ирма снова дернула меня за рукав, на этот раз сильнее. Её глаза метались по сторонам, полные паники, которую я раньше не замечала.

— Леди, нам лучше уйти. Сейчас же, — прошептала она, стараясь говорить как можно тише, но её голос дрожал.

— Почему? — как в трансе, выдохнула я, не в силах оторвать взгляд от двух титанов, разрывающих друг друга в клубах пыли и пламени. Их борьба была гипнотической.

— Вам и вправду лучше уйти, — фраза прозвучала уже не с насмешкой, а с плохо скрываемой угрозой. Это был тот же мужчина. Его голос заставил меня наконец обернуться.

Ледяная волна страха смыла всё возбуждение, когда я увидела, что происходит на площадке. Мы с Ирмой оказались в центре полукольца из мужчин. Те самые гости, что минуту назад с азартом наблюдали за боем, теперь смотрели на нас. Их взгляды были тяжёлыми, тёмными и откровенно недобрыми. В них не было и намёка на игривость или любопытство — только холодный, хищный расчёт. Они медленно сдвигались, отрезая нам путь к отступлению.

Воздух сгустился, наполнившись невысказанной опасностью. Рев драконов вдруг показался куда более далёким и менее страшным, чем молчаливое кольцо из жестоких лиц передо мной.

— Ты пахнешь странно... будто ты... — начал один из мужчин, его взгляд скользнул по мне с животным любопытством, смешанным с жадностью.

Он не успел закончить. Несколько его товарищей, словно по сигналу, резко бросились ко мне. Грубые руки вцепились в рукава моего платья, в волосы, сдавили предплечья. Ткань затрещала под напором.

— Ааа! — вскрикнула я от испуга и боли, пытаясь вырваться, но их хватка была железной. Ирма завизжала и попыталась оттащить одного из нападавших, но её грубо отшвырнули, и она ударилась о парапет.

Вокруг поднялся гвалт — смешки, одобрительные возгласы остальных мужчин. Они смотрели на происходящее, как на развлечение. Адреналин ударил в голову, смешав страх с яростью.

— Отстаньте! — закричала я, лягаясь и царапаясь, но против их силы это было бесполезно.

И в этот самый момент с неба обрушился оглушительный рёв, в тысячу раз громче прежнего. Не просто звук, а физическая волна, заставившая содрогнуться камень под ногами. Над площадкой нависла огромная тень, перекрыв солнце.

Чёрный дракон Эмиль спикировал прямо на нас. Его глаза пылали чистым, невыносимым гневом. Он не просто ревновал. Он видел, как трогают его собственность...

Глава 11

Мы все заворуженно уставились на Эмиля, который несся к нам, как черная молния. Его скорость была ошеломляющей. Никто не успел даже пошевелиться, не то что среагировать.

С оглушительным грохотом, от которого, казалось, содрогнулись сами горы, он врезался в смотровую площадку. Каменная кладка вздыбилась под его когтями. Одной огромной лапой он схватил меня, прижав к груди так, чтобы не раздавить, но и не дать вырваться. Другой, с поразительной аккуратностью, подцепил обезумевшую от ужаса Ирму.

Наши обидчики разлетелись в разные стороны, как кегли, с криками и воплями. Ирма истошно орала, закрывая лицо руками. А я... расправила руки, словно крылья, и... задорно визжала. Мне было безумно страшно, да. Сердце колотилось где-то в горле. Но вместе со страхом накатил волна невероятного, дикого восторга. Этот полет, эта скорость, эта мощь — это было ужасающе и прекрасно одновременно!

Я мельком посмотрела туда, где был Дрейл. Он сидел в человеческом облике на развалинах, держась за голову, и смотрел на нас с выражением яростной досады. Я почему-то почувствовала облегчение — он был жив.

Затем я окинула взглядом замок. Некоторые мужчины уже успели превратиться в драконов, их формы были меньше и изящнее, чем у Эмиля, и теперь спокойно парили в воздухе. Другие висели на стенах или уже спускались вниз. Да, эти «ящерицы» были чертовски живучими. Так им и надо.

А потом я посмотрела вокруг и затаила дыхание. Мир, открывшийся с высоты, был невероятно красивым. Зеленые долины, извилистые реки, леса, уходящие к горизонту. Это был настоящий, живой, сказочный мир, а не декорация из кошмара.

Эмиль сделал широкий круг над замком, заставляя трепетать всех оставшихся внизу, и понесся во внутренний двор. Там он аккуратно, почти нежно, опустил трясущуюся Ирму на землю. А со мной взмыл обратно в небо.

Мы летели долго. Начало смеркаться, и я продрогла до костей от ледяных потоков ветра. Но как раз в этот момент мы пошли на снижение, направляясь к невероятно живописному озеру, зеркальная гладь которого розовела в лучах заходящего солнца.

Он сделал широкий, величественный круг над озером, его черный силуэт отражался в розовеющей воде. Затем, с поразительной для его размеров аккуратностью, он опустил меня на мягкую траву на берегу. Хлопнув крыльями, он уселся рядом, и воздух вокруг него задрожал.

Началась легкая трансформация. Все его тело окутала плотная дымка цвета ночного неба, сквозь которую проступали лишь очертания огромной фигуры. Когда дымка рассеялась, передо мной стоял он — Эмиль, полностью голый, с мокрыми от пота волосами, прилипшими к его телу, и смотрел на меня злым, испепеляющим взглядом.

А я смотрела на него с открытым ртом и диким удивлением. До этого я никогда в жизни не видела так близко голого мужчину. Вообще. Его тело было воплощением мощи — рельефные мышцы, шрамы, рассказывающие истории боев, и... все остальное. Мой взгляд, против моей воли, скользнул вниз, и я резко отвела глаза, чувствуя, как горит все лицо.

Он, видя мою реакцию, злобно ухмыльнулся и повел одной темной бровью.

— Хотел тебя выругать за твой сегодняшний цирк, — его голос был низким и насмешливым, — но я смотрю, Вельфы очень чувствительны к мужской красоте. Особенно к той, что попроще.

Не дожидаясь моего ответа, а я и не смогла бы ничего вымолвить, он развернулся и двинулся к пещере, что зияла темным входом у подножия скалы. Только сейчас я обратила внимание, что это место было идеально защищено со всех сторон высокими скалами, образуя уединенную, скрытую лагуну.

Отвечать на его выпад я не стала. В какой-то степени он был прав. Я чувствовала, что вся пунцовая от смущения и... чего-то еще.

— Куда ты? — быстро вскочив на босые ноги, крикнула я ему вслед.

— В свою сокровищницу. У меня там одежда, — бросил он через плечо и скрылся в темноте пещеры, абсолютно не переживая, что я могу куда-то убежать. И ведь правда, куда я денусь босиком из этой каменной ловушки?

Меня стали одолевать тревожные мысли. Зачем он принес меня именно сюда? На удивление, я не чувствовала от него той животной, разрушительной угрозы, что витала вокруг него вчера в темнице. Сейчас я была... трофеем. Добычей, которую он отстоял в честной (на его взгляд) битве. Он выиграл меня.

И он сказал, что здесь его сокровищница.

Эта мысль ударила меня с новой силой. Он поделился со мной тайной информацией. Слишком тайной. Это меня не просто напрягло — это заставило внутренне сжаться. Он же дракон. А что мы знаем из сказок про драконов? Они одержимы своим золотом. Они прячут свои сокровища в самых недоступных местах и яростно защищают их от любого посягательства.

Я сглотнула комок внезапно пересохшего горла. А что, если... что, если он не собирается меня отсюда возвращать? Не в замок, не в комнату прислуги? Что, если я и есть то новое приобретение, которое он решил добавить в свою коллекцию? Спрятать здесь, в этой неприступной скальной чаше, чтобы любоваться, когда заблагорассудится? Или он наиграется со мной здесь и...

Противная, леденящая паника начала разливаться по жилам. Я быстро, почти лихорадочно, стала осматриваться, ища хоть какой-то выход.

Скалы вокруг были абсолютно гладкими и вертикальными, высотой с многоэтажный дом. Озеро, наверняка, было единственным путем наружу, но я не умела плавать так хорошо, чтобы преодолеть его и выбраться по другому берегу. Да и куда бежать? В незнакомый, дикий лес, без обуви, без еды?

Я была в ловушке. В красивой, живописной, но от того не менее надежной тюрьме. И моим тюремщиком был не просто разъяренный дракон, а... довольный победитель, принесший новую диковинку в свое логово.

И всё-таки я решилась. Выбора у меня не было. Оставаться наедине с драконом, который вчера чуть не изнасиловал меня в темнице, было худшей из возможных идей. Пускай он был чертовски красив, но у меня оставалась хоть капля гордости. Сжав кулаки, я двинулась в сторону леса, наступая босыми ногами на колючую хвою и острые камни.

— И куда ты? — услышала я за спиной, уже почти достигнув темной стены деревьев.

О-хо-хо... Не успела.

Я замерла, но не обернулась. По спине пробежал ледяной холодок.

— Моя игрушка решила сбежать? — его низкий бархатный голос прозвучал прямо у меня за спиной, слишком близко. В нём не было злости, скорее... раздражённое разочарование, и это было страшнее любой ярости. — Я предполагал, что ты глупая, но не настолько. Сейчас ты это как раз таки и начала подтверждать.

Я чувствовала его дыхание на своей шее. Он стоял вплотную.

— Но если волки ночью разорвут тебя на куски, — он наклонился так, что его губы почти коснулись моего уха, и произнес следующую фразу тихим, интимным тоном, от которого кровь стыла в жилах, — то с чем я буду играть? Мне придётся идти за новой Вельф. А это так скучно.

Его рука легла мне на плечо, не грубо, но с такой неоспоримой силой, что любое сопротивление было бессмысленным. Это был не захват, а утверждение власти. Он развернул меня к себе. Его лицо было спокойным, но в глазах плясали опасные искры.

— Прогулка окончена, должница. Пора ко мне в объятия...

Глава 12

Он не стал тащить меня в пещеру сразу. Его пальцы разжались на моем плече, но предупреждающий взгляд приковал меня к месту.

— Беги, — прошептал он, и в этом слове был холод. — Даю тебе фору. До тех пор, пока я сосчитаю до десяти.

Сердце упало куда-то в пятки. Это не было освобождением. Это была новая игра. Более жестокая. Я метнула взгляд в сторону темнеющего леса, потом на него, на его абсолютно спокойное, почти скучающее лицо.

— Раз... — начал он, и голос его был сладким, как яд.

Я рванула с места. В босые ноги впивались острые камни и колючки, ветки хлестали по лицу. Я слышала за спиной его ровный счет.

— ...два... три...

Адреналин заставил кровь бешено стучать в висках. Я не думала, просто бежала, повиная древнему инстинкту жертвы.

— ...четыре... пять...

И тут я услышала его шаги. Не бег. Нет. Это была неторопливая, хищная поступь. Он не спешил. Он наслаждался.

— ...шесть...

Его дыхание стало слышно прямо у меня за спиной. Паника достигла пика. Я зажмурилась.

— ...семь...

И в этот миг я почувствовала резкий рывок за подол платья, легкий звук рвущейся ткани. Я вскрикнула, споткнулась, но удержалась на ногах. Оборачиваться было страшно. Я побежала дальше, теперь уже чувствуя прохладу ночного воздуха на коже. Платье сзади было порвано от пояса до низа.

Шок сменился странным ощущением. Страх никуда не делся, но к нему добавилось что-то острое, щекочущее нервы. Ощущение риска. Опасности, которая была... волнующей.

— ...восемь...

Следующий рывок был сильнее. Его рука скользнула по моей спине, и в тишине уже ночи снова раздался шелковый звук рвущейся ткани. На этот раз платье расплосковалось от лопатки до талии, обнажая спину. Я почувствовала прикосновение его взгляда на своей коже, горячее, как физическое прикосновение.

И внутри что-то дрогнуло. Не страх. Нечто темное, глубокое, дремавшее на дне моей души. Это было похоже на ярость, но яростной я не была. Это было похоже на возбуждение, но оно было диким, звериным. Будто во мне проснулась другая я — та, для кого такая погоня не была угрозой, а... игрой. Ритуалом.

— ...девять...

Я уже почти не бежала, а шла, тяжело дыша, прижимая к груди лоскутья ткани, которые еще оставались на мне. Шаги Эмиля звучали прямо за мной. Он дышал ровно, спокойно.

Он не досчитал до десяти.

Его руки обхватили меня сзади, не грубо, а скорее властно, прижимая к его голой груди. Его губы коснулись моего обнаженного плеча, и по телу пробежала судорога не от отвращения, а от признания его силы. От признания чего-то своего, чужеродного и манящего, что просыпалось во мне в ответ на его жестокую нежность.

— Вот видишь, — прошептал он в самое ухо, и его голос вибрировал, обжигая изнутри, — даже когда ты пытаешься убежать... твоё тело говорит мне правду. Ты дрожишь. Но не от страха. Не так ли, моя строптивница?

Я не ответила. Я не могла. Потому что он был прав. А самое страшное было то, что я не понимала, почему это так. Почему мне нравится эта опасность? Почему его власть не душит, а... освобождает что-то внутри?

Он развернул меня к себе. Его глаза пылали в темноте, изучая мое растерянное, раскрасневшееся лицо, полуразорванное платье, дрожь, которую я не могла скрыть. В его взгляде не было торжества. Было понимание. Как будто он видел ту самую дракониху, что начинала шевелиться в глубине моей души, и приветствовал ее.

— Что со мной происходит? — выдохнула я, растерянно глотая воздух. Голос звучал чужим, хриплым, сдавленным непонятной жаждой.

Он не ответил сразу. Его пальцы, грубые и в то же время невероятно аккуратные, убрали с моего лица пряди волос, прилипшие к влажной коже. Этот жест, такой простой и такой интимный, смутил меня больше, чем вся предыдущая погоня.

— Я сам еще до конца не понял, — тихо произнес он, и его янтарные глаза, казалось, заглядывали прямо в душу, видя тот хаос, что царил внутри. — Но мне нравится то, что я вижу и чувствую, моя должница.

В его словах не было насмешки. Была какая-то новая, обжигающая серьезность. И пока мой разум цеплялся за остатки страха и стыда, тело, преданное этой странной, просыпающейся сущностью во мне, уже тянулось к нему.

Он наклонился, и на этот раз его губы прикоснулись к моим не с жестокостью, а с невероятной, исследующей нежностью. Это был не захват, а вопрос. Молчаливый, глубокий вопрос, на который мое тело ответило само, до того, как я успела что-либо обдумать.

Я не оттолкнула его. Наоборот, мои руки сами поднялись и вцепились в его плечи — не чтобы отпихнуть, а чтобы удержаться, потому что ноги подкашивались. Внутри все закружилось, смешались страх, протест и пьянящее, всепоглощающее возбуждение. Этот поцелуй был не похож ни на что из моего прошлого опыта. Он был... знакомым. Будто какая-то часть меня ждала его всю жизнь.

Когда он наконец оторвался, чтобы перевести дыхание, я была совершенно потеряна. Мир перевернулся с ног на голову. Мой тюремщик, мой мучитель... и единственный, кто видел во мне что-то большее, чем испуганную жертву. Что-то дикое и настоящее.

— Я... — попыталась я что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Молчи, — прошептал он, прижимая мое тело к своему, и я почувствовала бешеный стук его сердца, который сливался с моим. — Просто чувствуй.

И опять он не потащил меня в пещеру. Вместо этого он подхватил меня на руки — легко, словно я и вправду была невесомой драгоценностью, а не живым, полным противоречий существом. Я не сопротивлялась. Вся воля, вся борьба ушли, оставив лишь трепетное ожидание и дрожь, которую я не могла усмирить.

Он отнес меня к самому берегу озера, где мягкая трава устилала землю, а звезды отражались в черной, неподвижной воде. Осторожно, как что-то хрупкое, он опустил меня на это природное ложе. Его движения были нежными, почти ритуальными, и это противоречило всей его жестокой природе, сбивая меня с толку.

— Боишься? — его голос был низким шепотом, смешавшимся с шелестом ночного ветра.

Я могла только кивнуть, не в силах вымолвить ни слова. Да, я боялась. Боялась боли, боялась его, боялась этой темной, сладостной пустоты внутри, которая требовала быть заполненной.

— Я знаю, — он провел пальцем по моей щеке, и его прикосновение было обжигающе теплым. — Я буду осторожен.

Он не срывал с меня остатки платья с животной яростью, как я ожидала. Он освобождал мое тело от лоскутов ткани медленно, с таким благоговением, будто разворачивал величайшее сокровище. И когда я осталась полностью обнаженной под его взглядом, в свете луны и звезд,

стыд отступил, уступив место чему-то более древнему — ощущению своей собственной силы, своей красоты, которую он видел и в которую, казалось, верил.

Его ладони скользили по моей коже, не спеша, изучая каждый изгиб, каждую реакцию. Он заглушал мою неуверенность поцелуями — сначала в губы, мягкими и убеждающими, потом на шее, на ключицах, опускаясь все ниже. Каждое прикосновение его губ и языка заставляло меня вздрагивать и выдыхать, разжигая внутри огонь, который я никогда раньше не знала.

Когда он занял положение между моих дрожащих ног, я снова почувствовала приступ паники. Он был таким большим, мощным, и я... я была такой маленькой.

— Доверься мне, — прошептал он, его глаза, горящие в темноте, были полны не похоти, а какой-то суровой нежности.

И я доверилась. Не ему, может быть, а тому инстинкту, что бушевал внутри. Когда он вошел в меня, боль была острой, но короткой. Я вскрикнула, вцепившись ему в плечи, а он замер, давая мне привыкнуть, осыпая мое лицо тихими, успокаивающими словами, которые тонули в ночном воздухе.

А потом... потом боль сменилась чем-то иным. Наполнением. Ощущением не просто близости, а... соединения. Каждое его движение было выверенным, глубоким, но не грубым. Он вел меня за собой, увлекая в танец, который мое тело понимало лучше разума. Внутренняя сила, та самая «драконица», о которой я не имела понятия, затрепетала и расправила крылья. Я перестала бояться. Я начала отвечать — робко, затем все смелее, следуя за его ритмом, подчиняясь зову плоти и духа.

Он смотрел на меня все это время, и в его взгляде было что-то похожее на изумление. Будто он видел не просто женщину под ним, а нечто большее — пробуждение.

Когда волна накрыла нас обоих, это был не просто физический пик. Это было падение в бездну и взлет одновременно. Я кричала, но не от боли, а от освобождения, от ощущения, что какая-то часть меня, долго спавшая, наконец родилась.

Он рухнул рядом, тяжело дыша, его тело было горячим и влажным. Долгое время мы просто лежали молча, слушая, как бьются наши сердца, постепенно успокаиваясь. Он не отпускал меня, его рука лежала на моей талии, властно и в то же время защищающе.

Я смотрела на звезды, чувствуя себя странно, как-то по-новому. А потом я снова почувствовала это. Не злость. Не ярость. Что-то большее — дикую, кипящую энергию, которая ударила в жилы, как удар тока. Она была ключом, требовала выхода, и я, не задумываясь, резко села, сбрасывая с себя оцепенение.

— Что такое? — встрепнулся Эмиль, его рука легла на мое плечо. — Тебе плохо? Больно? — В его голосе прозвучала неподдельная тревога.

Он приподнялся на локте, пытаясь разглядеть мое лицо в лунном свете. Но я сама не понимала, что со мной.

— У меня ощущение, что все неправильно. Все не так должно быть, — выдохнула я, сама не зная, что имею в виду.

— Ну так-то да, — он хрипло усмехнулся, пытаясь снять напряжение. — Я женщин в основном по-другому беру... Это с тобой что-то меня разнежило.

Но его слова лишь подлили масла в огонь. Эмоция, сносившая все на своем пути, окончательно поглотила меня. Она была темной, властной, необъяснимой.

Я резко повернула голову к нему, так стремительно, что он аж встрепнулся от удивления. А потом я запрыгнула на него сверху, прижалась и со всей силой впилась в его губы. Это был не поцелуй, а укус — заявление, вызов.

Он охнул от неожиданности и слегка прихватил меня за волосы, чтобы отвести, но не больно — ровно настолько, чтобы увидеть мои глаза.

— Что такое? — смотрел он, пытаясь понять мои мотивы, в его взгляде читалось изумление и вспыхивающий ответный огонь.

Но я не хотела объяснений. Я хотела одного. Его. Но на своих условиях. Я, сидя на нем, начала тереться бедрами, чувствуя, как его тело мгновенно откликается. Он хищно заулыбался — ему это нравилось. Озеро вокруг нас будто засветилось ярче, отражая нашу бурю.

Я толкнула его на траву, и он поддался — не потому что был слаб, а потому что позволил. Позволил мне быть главной. Он был уже возбужден до предела, и я, не медля, опустилась на него — быстро, сразу, на всю длину, с криком, в котором смешались боль и торжество. Я выгнулась, ощущая, как меня заполняет не только он, но и эта новая, дикая сила.

И что-то внутри меня требовало еще и еще. И шептало, что мы главные. Мы будем брать. И я брала. Я двигалась в яростном, неистовом ритме, не думая ни о чем. Эмиль рычал подо мной, его руки впивались в мои бедра, он целовал мое тело, но делал только то, что я позволяла, что я диктовала своим движением.

Достигли пика мы одновременно. Мой последний крик был нечеловеческим — диким, животным, вырвавшимся из самой глубины души. В последнем судорожном движении я сжала его плечо так сильно, что он дернулся, будто от боли.

Но мне было все равно. Энергия ушла, оставив после себя пустоту и блаженное изнеможение. Я, обессиленная от удовольствия и этой странной скачки, просто рухнула на него, проваливаясь в черное, бездонное забвение.

Я чувствовала, как его большая, теплая рука медленно гладит меня по спине. Его дыхание было ровным, а голос — низким, почти колыбельным, когда он что-то шептал прямо в мои волосы.

— Моя драконица... моя девочка. Наконец-то... Никому не отдам. Ты моё самое ценное сокровище...

Под эти слова, такие нежные и такие пугающие своей окончательностью, я сладко уснула, утонув в тепле его тела и истощении после бури.

А проснулась от резкой, пронзительной боли в боку. Кто-то больно пнул меня сапогом.

— Вставай, шлюха драконья. Хватит валяться.

Сон как рукой сняло. Я вздрогнула и открыла глаза, зажмурившись от утреннего солнца, которое било прямо в лицо. Надо мной стояли трое мужчин в потрёпанной, но прочной униформе. Не гости Эмиля. Солдаты. Их лица были хмурыми и презрительными. Тот, что пнул меня, смотрел на мою наготу с таким отвращением, будто видел не женщину, а падаль.

Я инстинктивно рванулась к тому месту, где только что лежал Эмиль. Но оно было пустым. Его нигде не было видно. И я лежала на лоскутах своего платья в совершенно другом месте. Озера и пещеры рядом не было.

Паника, холодная и липкая, мгновенно затопила меня.

— Где... где Эмиль? — просипела я, пытаясь прикрыть себя руками.

— Господин по делам улетел, — усмехнулся один из солдат. — А нам приказано доставить тебя обратно в замок. Только уже не в комнату прислуги. В твоё новое место жительства.

Он бросил мне под ноги грубый, колючий мешок вместо одежды.

— Одевайся. И не пытайся сопротивляться. Ты теперь не просто должница. Ты — вещь. И с тобой не будут церемониться.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.